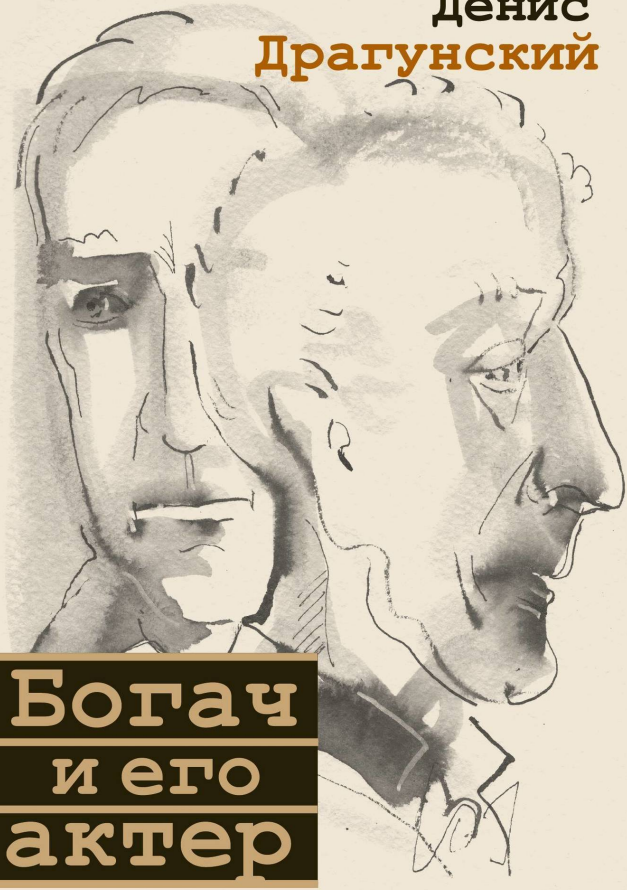
Денис Драгунский



Богач и его актер

Если долго и подробно рассказывать всю правду, получится полнейшая выдумка

РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ

Денис Викторович Драгунский

Богач и его актер

Серия «Проза Дениса Драгунского»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51819392
Д. В. Драгунский. Богач и его актер: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-122204-8

Аннотация

В новом романе Дениса Драгунского «Богач и его актер» герой, как в волшебной сказке, в обмен на славу и деньги отдает… себя, свою личность. Очень богатый человек решает снять грандиозный фильм, где главное действующее лицо – он сам. Условия обозначены, талантливый исполнитель выбран. Артист так глубоко погружается в судьбу миллиардера, во все перипетии его жизни, тяжелые семейные драмы, что буквально становится им, вплоть до внешнего сходства – их начинают путать. Но съемки заканчиваются, фестивальный шум утихает, и звезда-оскароносец остается тем, кем был, – бедным актером. И тогда он хочет отомстить за свое утраченное человеческое «я»…

Содержание

Глава 1. Полдень. Ханс и дядя-полковник 5
Глава 2. После полудня. «Гранд-отель». Письма 38
Глава 3. Час обеда. Дирк фон Зандов и карьера 71
Глава 4. Начало пятого. Лена 103
Конец ознакомительного фрагмента. 124

Денис Драгунский
Богач и его актер

© Драгунский Д. В., текст
© Волохонская М. Л., иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1. Полдень. Ханс и дядя-полковник

Ханс Якобсен в четырнадцать лет захотел стать офицером. Эта удивительная мысль пришла ему в голову, когда они с отцом были на параде. Когда в день рождения его величества по площади перед королевским дворцом красиво вышагивали солдаты в изящных декоративных мундирах – потому что страна не воевала уже более ста лет. Армия была маленькая, но, как писали в газетах, очень боеспособная. Эта маленькая армия, как хвастались в газетах, могла вклиниться в расположение противника чуть ли не на триста миль, чуть ли не за неделю дойти до любой столицы, захватить ее, а там остановиться, ожидая союзников. Хотя, замечу в скобках, союзников у страны тоже не было, поскольку она уже лет пятьдесят соблюдала официальный нейтралитет. Тем не менее газетные обозреватели прекрасно понимали, что пятидесятитысячная армия, даже прекрасно вооруженная и отлично тренированная, все равно не сможет справиться с серьезной континентальной державой. Поэтому они допускали некоторую логически объяснимую путаницу, упоминая несуществующих союзников.

Так или иначе, армия в этой миролюбивой стране была в большом почете. Перед офицерами широко раскрывались

двери светских салонов, рафинированных клубов и просто обывательских квартир. Люди любили этак солидно упомянуть: «Наш Эрик стал капитаном», «У нашей невестки дядя подполковник» и все такое прочее. Кроме того, офицер, получив майорское звание, автоматически становился почти аристократом: в старые времена за это звание полагалось потомственное дворянство; правило ушло, но след в умах остался. А полковник *ipso facto* был членом самого высшего общества, тем более что генералов в стране было всего четверо.

Вот поэтому Ханс Якобсен захотел стать офицером.

Я сказал, что это желание было удивительно. Хотя на самом-то деле большинство мальчиков из простых семей именно в военной карьере видели свой путь к славе, почету и деньгам. Кадетский корпус! Училище Святого Георгия! Академия Генштаба! Три заветные ступени, о которых мечтал, наверное, каждый третий гимназист, не говоря уже об учениках ремесленных школ. Однако такое желание, возникшее в чудесной светло-русой головке Ханса Якобсена, очень удивило его семью, потому что Якобсены была знаменитая если не на всю страну, то на ее южную часть и уж точно на столицу торговая фамилия.

Кажется, еще в середине XVII века первый Якобсен купил в порту пустое здание и устроил там склад для всякого товара, который привозили купцы из разных стран. То есть он, говоря по-нынешнему, предоставлял услуги скорее логи-

стические. В XVIII веке появилась специальность – торговля текстилем и одеждой. В XIX веке – металлом. Сначала руда и железо, потом отменная сталь, которую Якобсены продавали оружейникам и часовщикам, и наконец, Эрик Якобсен приобрел небольшую мастерскую, заняв свое место среди производителей слесарного инструмента. Позже с этой мастерской пришлось расстаться, хотя она не сегодня завтра должна была превратиться в настоящий завод. Но спорить с Эриксенами и Валленштейнами не приходилось. Вернулись к торговле текстилем. Владели еще небольшой кожевенной фабрикой, которой суждено было сыграть существенную роль в судьбе Ханса Якобсена.

А сейчас он вдруг захотел стать офицером, чем очень расстроил своего отца и матушку, потому что был единственным наследником – сестра не в счет. Отец уже начинал его готовить к торгово-промышленной карьере, обучать азам коммерции, посвящать в тайны прибылей и убытков. Но мальчик упорно отказывался, говоря, что мечтает пойти в армию. Умный отец понял, что уговоры тут бессмысленны, подростку нужно дать возможность перебеситься. Хотя, с другой стороны, всегда есть опасность, что беситься он будет слишком долго и упустит те золотые годы, когда в голову закладываются основы торгового и промышленного искусства.

Поэтому одним прекрасным летом, когда семья отдыхала в своем поместье на озере, отец за завтраком как бы меж-

ду делом сказал, что завтра приедет погостить дядя Эдгар. «Полковник Якобсен, разве ты не помнишь?» Мальчик не помнил. «Ну как же! – воскликнул отец. – Полковник Якобсен, гордость всей нашей семьи!» – и засмеялся. Мальчик пожал плечами. Он первый раз слышал это имя. Отец, взяв из комода лист бумаги и карандаш, быстро нарисовал генеалогическое древо, из которого неопровержимо следовало, что полковник Эдгар Якобсен был племянником двоюродного брата мужа сестры прабабушкиного племянника. Мальчик еще раз пожал плечами, но решил не удивляться, потому что в столичной адресной книге фамилия Якобсен занимала восемь страниц, уступая только Хансенам и Йенсенам.

Дядя-полковник приехал назавтра, и ему отвели комнату во втором этаже. Он спустился к обеду. Это был коренастый подтянутый мужчина, почти уже старик – так показалось мальчику, хотя на самом деле полковнику было немногим за сорок. Жилистый, серебряно-седой, в красивом сером военном мундире. В мундире, так сказать, на каждый день. Офицеры в этой стране, как, впрочем, и в большинстве монархических стран, не имели права ходить в штатском, однако еще дедушка нынешнего короля сделал для них послабление – помимо парадного и полевого мундиров был введен мундир так называемый *бытовой*, который на самом деле ничем особенно не отличался от обыкновенного костюма, кроме того, что пиджак был слегка приталенный, а на лацканах и рукавах виднелись тоненькие серебряные или золотые,

в зависимости от чина, плетеные полоски.

Мальчик понял, что визит дяди-полковника – неспроста. Он даже понадеялся, что родители приняли его желание и хотят познакомить с человеком из высшего офицерства, с тем чтобы облегчить дальнейшую карьеру сына. Чтобы дядя-полковник мальчика сориентировал, объяснил, как в армии обстоят дела. Как говорится, что и кому, куда и почем. Это было бы неплохо. Но одновременно томило его подозрение, что это какая-то инсценировка и что дядя-полковник – кстати, мальчик не знал, на самом ли деле это дядя и полковник, может быть, это вообще какой-то нанятый артист! – что этот самый «дядя» будет его отговаривать и постарается сделать так, чтобы мальчик сам отказался от своей мечты.

Так оно и оказалось.

С той лишь разницей, что дядя Эдгар был никакой не артист, а полковник самый настоящий и действительно дальний родственник его отца, дедушки, дядюшки и кого-то там еще, мальчик успел позабыть ту ветвистую генеалогическую схему. Первые два-три дня дядя как будто бы не замечал мальчика. Они познакомились во время первого обеда, пожали друг другу руки. Мальчик почувствовал, какое твердое у дяди рукопожатие, и ощутил, как от него сильно пахнет крепким одеколоном и простым мылом («Армейским, наверное!» – подумал он). Но затем дядя занялся разговором с родителями, а потом гулял по поместью в одиночестве или читал книгу, сидя на балконе своей комнаты. Мальчик

понял, что дядя выжидает, когда он к нему обратится, – решил поиграть с ним в молчанку.

Однако еще дня через два мальчик пошел купаться и увидел, что дядя только что вылез из воды, обтерся полотенцем, а когда мальчик приблизился к берегу озера, уже снова был в своем сером пиджаке, разве что босиком, в подкатанных брюках. Мальчик понял, что возникнет неловкость, если он станет молча купаться, не обращая на дядю никакого внимания. Это было бы крайне невежливо по отношению к седому господину, офицеру, да к тому же родственнику. Поэтому мальчик сказал:

– Здравствуйте, господин полковник.

– Ты хотел сказать «здравствуй, дядя»? – засмеялся полковник.

– Ну да, – кивнул мальчик.

– Если да, тогда так и скажи! – Полковник засмеялся еще громче.

– Здравствуйте, дядя, – сказал мальчик.

– Не здравствуйте, а здравствуй. Здравствуй, дядя, здравствуй, Ханс. Ну-ка, еще разочек: здравствуй, дядя, здравствуй, Ханс! Можешь?

Мальчик покраснел, ему стало чуть-чуть обидно. Но он собрался с силами и повторил:

– Здравствуй, дядя!

– Здравствуй, мой дорогой! – Полковник протянул ему руку. – Купаться?

– Пожалуй, – сказал мальчик и подошел к воде. Там были деревянные мостки. Он сел на корточки, нагнулся и попробовал воду рукой. Обернулся к полковнику:

– Нет, все-таки холодно.

– Который час? – спросил полковник.

– Минутку. – Мальчик, выпрямившись, залез в карман, вытащил маленькие серебряные часы. – Половина десятого, господин полковник, то есть извините, то есть прости, половина десятого, дядя.

– Давно проснулся? – поинтересовался полковник.

– Буквально полчаса, – ответил мальчик. – Еще не завтракал.

Полковник присвистнул и почему-то опять захохотал.

– Что, дядя? – Мальчик поднял брови.

– Да нет, ерунда, а я вот собираюсь на второй завтрак. Давай быстренько купайся и пойдем.

– Пожалуй, нет, – отказался мальчик. – Купаться не буду, вода холодновата.

– Послушай, Ханс, – начал полковник. – Магда и Хенрик, твои мама и папа, сказали мне, что ты собрался в армию. Это правда? Или они пошутили?

– Правда.

– Как интересно! Значит, ты не хочешь купаться. Пошли к дому.

По дороге дядя спрашивал, чего это вдруг молодой Якобсен захотел идти в армию, но мальчик хмыкал, пожимал пле-

чами и мыском ботинка пинал камешки на тропинке. Дядя смотрел на него искоса, улыбаясь в свои коротенькие серебряно-седые усики. В столовой никого не было.

– Пойду попрошу, чтобы мне дали завтрак, – сказал мальчик. – И тебе, дядя, тоже.

– Погоди, – остановил его дядя. – Пойдем-ка ко мне.

У себя в комнате он сел в кресло и поставил мальчика перед собой:

– Мой дорогой Ханс, армия была бы счастлива иметь в своих рядах еще одного представителя старинной и почтенной семьи Якобсенов, но погляди на себя, в котором часу ты сегодня проснулся? В котором часу, я тебя спрашиваю?

– В девять, – ответил мальчик, пожав плечами. – Каникулы же.

– И Магда тебе это разрешает? – изумился дядя. – Я с ней поговорю. Впрочем, нет. Я с ней не буду говорить. Ее родительское право – баловать свое чадо, растить из него неженку или воспитывать настоящего мужчину. Пока еще ты принадлежишь своим родителям, дорогой Ханс, и они, хорошо это или плохо, имеют право лепить из тебя ту куклу, какая им нравится. Понравится ли эта кукла обществу – второй вопрос. Однако мне почему-то кажется, – продолжал дядя-полковник, – кажется мне, что мальчик, который встает в девять часов утра, не приспособлен для армии. Я бы так сказал: не рожден для нее. А ну-ка! – Он встал. – Разденься, милый Ханс, и я разденусь тоже. Мы могли бы это сделать на озере,

но ваше высочество не соблаговолило купаться, вода, видите ли, холодная; давай разденемся здесь.

– Прямо догола? – испугался мальчик. – Прямо оба?

– А что тебя смущает? – спросил полковник.

– Боюсь, в этом есть что-то дурное. – Мальчик отступил на два шага.

– Во-первых, не догола, а до пояса, – сказал полковник. – А во-вторых, в казарме, где живут курсанты или кадеты, мальчики действительно раздеваются совсем догола и ходят так, совершенно не стыдясь друг друга. Это армия. Если ты в этом видишь что-то дурное… – Он замолчал, снял с себя пиджак, потом рубашку и нижнюю фуфайку. – Раздевайся, Ханс, до пояса, слышишь? Давай посмотрим друг на друга. А теперь иди сюда. Здесь есть зеркало.

У Ханса заполыхали щеки, потому что дядя был худощав, поджар и очень мускулист. Курчавые седые волосы на груди скрывали мощные грудные мышцы. У него были круглые плечи, сухие, но рельефные бицепсы, крепкие локти, квадратики на животе. Дядя втянул живот, и его брюшной пресс отрисовался еще более эффектно.

– А ты? – сказал дядя. – Тебе четырнадцать лет и семь месяцев, а тело у тебя как у двенадцатилетней девчонки. Ну-ка, согни руку в локте, подними руку повыше, напрягись. Разве это мускулы? Откуда у тебя эти странные мысли?

– Я все равно хочу в армию, – уперся мальчик.

– Может быть, ты просто не хочешь торговать? Тебе опро-

тивели разговоры о капиталах, о прибыли, акциях и векселях?

Мальчик молчал.

– Но, милый Ханс, есть тысячи прекрасных и благородных профессий.

– Мусорщиком? – вдруг ощерился мальчик.

– Это еще зачем?

– Мне папа все время так говорит: «Не хочешь учиться, не хочешь заниматься тем же, чем занимались твои предки? Есть масса прекрасных и нужных профессий, необходимых для общества. Например, мусорщики, например, трубочисты, например, милосердные братья в домах призрения. Очень уважаемые профессии». Вот что мне постоянно твердит папа. И вы туда же?

– Не вы, а ты, – с улыбкой поправил дядя.

– И ты туда же! – возмутился мальчик.

– Никоим образом! Почему ты должен быть мусорщиком? Во-первых, мусорщики тоже рано встают и должны обладать немалой физической силой. А во-вторых, есть много чудесных, даже нежных профессий. Ты можешь стать художником, можешь стать писателем, газетным репортером или критиком. Поэтом! У тебя есть музыкальный слух? Тогда тебе прямая дорога в композиторы. Да и вообще, скажу по секрету… – Дядя приблизил к нему лицо и зашептал в ухо, чуть ли не покалывая седыми стрижеными усами мальчикову щеку. – Только не говори Хенрику и Магде. Обещаешь? Твой

отец заработал столько денег, приумножив капиталы своих предков, что ты имеешь полную возможность никогда не работать. Мой тебе совет: сделай вид, что прилежно учишься. Поступи сначала в коммерческое училище, потом в университет на математический факультет, поезжай повышать квалификацию в Париж, затем немного попрактиковаться в Нью-Йорк, слушать лекции знаменитых профессоров, посещать клубы, где собираются крупнейшие биржевики и промышленники. Учиться у них персонально! Я думаю, сам господин Карнеги не откажет дать аудиенцию сыну почтенного предпринимателя из Европы. И таким вот образом ты имеешь полную возможность проволынить лет до тридцати пяти. Твой отец немолод, ты ведь поздний ребенок. Довольно скоро ты окажешься богатым наследником, будешь вставать в девять, в десять, а то и в полдень, пробовать пальчиком воду в озере, возвращаться домой, где слуги тебе приготовят кофе со сливками, – и так до глубокой старости. Плохо ли?

Ханс покраснел так, что ему показалось, будто у него жар сорок два градуса. Он сам это почувствовал. У него была такая температура, когда он в прошлом году болел корью.

– Не знаю, – тихим и злым голосом ответил он. – Я все равно хочу в армию.

– Но зачем? – Дядя всплеснул руками и стал одеваться.

– Хочу быть полезен нации и королю, – сказал мальчик.

– Где ты это выучил? В какой газете прочитал? – засмеялся дядя. – Впрочем, ладно. Давай одевайся.

Ханс застегнул рубашку и направился к двери.

– Постой, – окликнул дядя. Мальчик обернулся. – Дело обстоит гораздо серьезнее, чем тебе кажется. Мне ничего не стоит составить тебе протекцию. Тебя легко примут в кадетский корпус, я даже смогу помочь тебе поступить в училище Святого Георгия. Ты выйдешь из него сержантом. Тебе будет двадцать два года, и жизнь твоя будет сломана. У тебя будет мундир с красивыми нашивками, у тебя будет квартирка в казарме, хорошее жалованье, собственный ординарец, у тебя в подчинении будет полсотни рядовых солдат и два капрала, которые будут тебя ненавидеть и презирать, а ты будешь ненавидеть и презирать свою жизнь. Из армии, особенно в нашей стране, нельзя уйти просто так. Ты же знаешь, что наша армия маленькая и гордая. Добровольно из нашей армии не уходил никто. Я также не знаю случаев, когда офицеров увольняли бы за проступки. Наши офицеры не совершают дурных проступков! И вот так ты промучаешься до отставки. Тебя станут обходить чинами. Ты будешь страдать, завидовать. Ужасная жизнь! Я могу тебе помочь, дорогой Ханс. – Дядя обнял его и погладил по плечу. – Но подумай, подумай, подумай хорошо.

– Я уже все решил, – упрямо сказал мальчик и посмотрел своими ярко-синими глазами в выцветшие голубые глаза дяди. – Я буду офицером, а если ты окажешь мне протекцию, буду тебе весьма признателен.

Повернулся и вышел. И начиная со следующего дня стал

вставать в шесть утра, купаться в озере в любую погоду, делать гимнастику, бегать по горам, а также перестал есть сладкое.

Однако судьбе, очевидно, все-таки было угодно, чтобы славный торгово-промышленный род Якобсенов не прерывался. В ноябре Ханс бегал на лыжах и сильно подвернул ногу. Он сначала не понял, что случилось, – то ли вывих, то ли растяжение. Было очень больно. Он с трудом вышел из леса на дорогу, отстегнул лыжи и пытался идти пешком. Нога болела просто ужасно. Он пытался скакать на одной ноге, опираясь на лыжную палку, как на костыль, и еще вдобавок держал под мышкой лыжи, вообразив, что это – армейское имущество, которое нельзя бросать. Мимо по дороге одна за другой ехали крестьянские подводы, но мальчик сказал сам себе: «Я же будущий офицер, я должен уметь терпеть», – и пешком доплелся до маленького городка, и только там сдался врачам, поскольку боль стала совсем нестерпимой. Оказалось, что он сломал лодыжку. Перелом был очень сложный, оскольчатый, и совершенно необъяснимо, какого черта он не воспользовался помощью первого же возницы, потому что этих двух миль, которые он прошагал пешком непонятно как, ведь боль была поистине дьявольской, – этих двух миль хватило, чтобы осколки расползлись в разные стороны. Лучшие хирурги столицы три раза оперировали мальчикову ногу. В результате кости срослись прочно, но нога стала на целую четверть дюйма короче другой, и с этим поделать уже

ничего было нельзя. Мальчик лежал в больнице, в прекрасной палате с видом на набережную, по которой как назло время от времени проходили курсанты военного училища, и думал, как ему лучше поступить – носить ботинок с утолщенной подошвой, чтобы хромоты не было заметно, или, наоборот, элегантно прихрамывать. Решил, что будет вести себя в зависимости от ситуации.

На всякий случай он написал письмо дяде, письмо довольно злое, в котором объявлял, что в свете изложенных обстоятельств решил не делать военную карьеру. В письме не было намека, что дядя его сглазил или пуще того заколдовал, но тон письма был именно таков. Дядя это почувствовал и в ответном письме, выразив восхищение мальчиковым мужеством, в конце все-таки приписал: «Надеюсь, ты не думаешь, что в этом виноват я». На том их общение прекратилось.

* * *

Прошло не так много времени, лет восемь. Большая война в Европе уже закончилась. Троюродный брат по маминой линии вернулся с какой-то маленькой непонятной войны в Африке. Кажется, он воевал в иностранном легионе, а попросту говоря, был наемником, но вслух ничего подобного не произносил.

Был приятный вечер в поместье. Ханс уже был студентом коммерческого училища. Брат рассказывал в основном

о мелких бытовых неудобствах. Ханс даже подумал, что этот молодой офицер все время провел в тылу или в штабе. Только потом он узнал, что люди, побывавшие на войне, очень не любят делиться настоящими боевыми воспоминаниями. А пока этот самый *deuxième cousin* рассказывал, какая была незадача с армейскими ранцами. Жутко неудобные сумки, почти мешки, в которых ничего не найдешь, и что было несколько случаев, когда они проигрывали маленькие бои из-за того, что коробки с патронами, которые по инструкции должны находиться в ранце, было трудно и неудобно вытаскивать. Даже смешно. «Вот из-за такой чепухи мы теряли товарищей». Вообще, армия, говорил этот парень, на восемьдесят процентов состоит из боеприпасов, обмундирования и провианта. Еще на десять процентов – из оружия как такового. На тактику, стратегию и воинскую доблесть он отводил не более одной десятой.

«Ранец!» – это слово как будто у Ханса в ушах зазвенело.

«Ранец! – зазвучало в голове на следующий день. – Вот ведь в чем дело!»

Он ни с кем не поделился своими мыслями, но в ближайшие каникулы перезнакомился с кучей молодых офицеров: и с теми, у которых был боевой опыт, и с теми, у которых все ограничивалось летними сборами, и внимательно рассматривал их ранцы, вещевые мешки и полевые сумки. А когда окончил наконец коммерческое училище, получил диплом и отцовское благословение заняться чем-то самостоятельным

на малую долю родительского капитала, он попросил себе ту самую кожевенную фабрику. Приехав туда, он выяснил, чем на фабрике занимаются. Собственно говоря, не занимались ничем. Делали заготовки для других фабрик, где производили разнообразный товар начиная от изящных дамских сумочек до грубой конской сбруи для крестьянских лошадей. И Ханс принял окончательное решение, то решение, которое по прошествии двух десятков лет сделало из наследника почтенной, но, в общем-то, обычной предпринимательской семьи крупнейшего промышленника и миллиардера.

Ханс Якобсен стал делать солдатские ранцы. Он пригласил специалистов: и военных, и медиков, и даже, представьте себе, модельеров одежды. Они долго пробовали, вертели так и эдак, проводили всевозможные испытания и в конце концов изготовили идеальный, практически универсальный солдатский ранец, а также сумку для офицера и – подумайте только! – генеральский портфель. Но это была уже скорее забава. В солдатском ранце имелись все отделения: и для маленького швейного набора, и для ежедневной еды – фляжка с водой, пенал для хлеба, – и для письменных принадлежностей, и для смены теплого белья, и, разумеется, для запасных патронов и обойм, и для каких-то двух-трех отверточек (для срочной чистки личного оружия), и даже кармашек с неприкосновенным запасом еды: галеты, шоколадка, фляжечка с коньяком, масло в жестянке. Это отделение было словно под пломбой – чтобы его открыть, нужно было сильно дернуть за

матерчатое кольцо. Постепенно Ханс Якоб-сен приобрел и кондитерскую фабрику, которая делала шоколад, и маленький ликерный заводик, но главное – оружейную фабрику; к своему ранцу он решил выпускать не только патроны и сменные обоймы, но и оружие как таковое.

Долго ли, коротко – Ханс Якобсен сделался крупнейшим фабрикантом всевозможного военного снаряжения: и обмундирования, и оружия, и патронов. Ему принадлежали уже и пороховые заводы, и заводы по изготовлению пушек, а где пушки – там и танки, а где пушки и танки, там и сталь, и двигатели, а где двигатели, там и автомобили. В один прекрасный день Ханс Якобсен понял, что его промышленная империя похожа на переполненную чашу водохранилища и, если он купит еще хотя бы газетный киоск или кондитерскую лавочку, все хлынет через край, разрушив плотину и окружающие селения. Он приказал своим управляющим тщательно следить за дальнейшим *нерасширением производства* и отправился путешествовать по Европе, пожалуй, впервые за двадцать восемь лет самостоятельной жизни, если не считать неприятного свадебного путешествия в Париж, но об этом далее.

Тем более что вторая большая война в Европе закончилась тоже.

Итак, он поехал развлекаться впервые с тех пор, как в его голове прозвучало слово «ранец». А это было, как мы помним, когда ему сравнялось двадцать два года. Сейчас ему ис-

полнилось пятьдесят, и он решил отметить свой юбилей в тесном кругу друзей на южном берегу Франции. Он снял целый отель. Естественно, он назывался «Гранд-отель». Тогда так называлась почти каждая гостиница, которая была выше двух этажей и больше тридцати номеров. Но этот «Гранд-отель» был действительно *гранд*, ничего не скажешь. Великолепное четырехэтажное здание смотрело на морской залив. Гостиница была устроена так, что на море смотрели все номера, на тыльную часть выходили только коридоры – тоже с большими окнами. Номера были превосходные. Удобные, каждый с отдельной просторной ванной, что в те времена все еще считалось роскошью. С балконом, прихожей и гардеробной. И то были обычные номера. А в третьем и четвертом этажах располагались номера люкс – двух- и трехкомнатные. В самой же середине четвертого этажа находился семикомнатный суперапартамент – номер, который назывался «королевским» или «президентским» – в зависимости от того, кто туда приезжал. Ханс Якобсен, однако, помня советы дяди касательно скромности и внутренней дисциплины, занимал обыкновенный двухкомнатный люкс, тем более что он – после первого неудачного брака – больше так и не женился. В трехкомнатных люксах жили семьи его друзей, а президентский номер занимал знаменитый скрипач со своей любовницей, не менее знаменитой кинозвездой, и учениками-вундеркиндами, которых он всюду таскал за собой. Праздновали, развлекались, пировали и устраивали концер-

ты целых три дня.

Когда почти все гости разъехались, Ханс Якобсен вышел на пляж, прошелся вдоль самой кромки моря, полюбовался на яхты, качавшиеся у длинных, выходящих в море причалов, обернулся, взглянул на «Гранд-отель», и ему вдруг стало очень обидно за свою родину. В его прекрасной северной стране все было очень скромно, тихо, приземисто и серо-коричнево, никакой игры и красок, никакого наслаждения, комфорта и роскоши. «Возможно, впрочем, – подумал Ханс Якобсен, – именно из-за этого в нашей стране такая великолепная промышленность, такой мощный банковский капитал, такой трудолюбивый и целеустремленный народ. Но все-таки, черт возьми, но тем не менее – давайте брызнем немножко яркого цвета на наше серое побережье!»

С этой мыслью он уселся в свой персональный самолет, изготовленный на его авиастроительном заводе, и полетел домой.

Дома он долго ходил по берегу озера, по тому самому, где состоялся его первый неприятный, но такой полезный разговор с дядей, а потом еще менее приятная беседа с матерью, но об этом позже.

Он думал: хорошо бы построить тут дворец, подобный тому, французскому. Но, во-первых, было жалко собственного поместья, тропинок, дорожек, парка, большого старинного дома и маленького уютного домика, где жил, как положено, старый садовник с женой, – его тоже было жалко. Но са-

мое главное – во-вторых. Слишком далеко от столицы. Если построить «Гранд-отель» здесь, он так и останется пустой забавой богача. Непонятно, кто будет сюда ездить, и неизвестно зачем. Озеро совсем маленькое, по сути – озерцо или просто большой пруд. Строить надо в месте, которое может стать модным, популярным, и даже если до него придется тянуть ветку пригородного поезда (Ханс Якобсен готов был и на это), то чтобы ехать от столицы было все-таки не больше сорока минут, в крайнем случае – час-полтора.

Он не стал никому давать поручений, он все привык делать самостоятельно, докапываться до сути, разбираться в мелочах. Вот и сейчас каждое воскресенье он садился в автомобиль и приказывал шоферу возить себя по столичным предместьям ближе к морю, вернее, к этому то ли озеру, то ли морю, то ли глубокому морскому заливу, который окружил город со всех сторон. Всего на четвертый раз место было найдено: пустой берег, шхеры, и островки красиво разбросаны по серебристо-серой воде, и растут какие-то мелкие деревья. Но самое главное, как будто специально для него, – огромная поляна, спускавшаяся к воде. Ближайшая железнодорожная станция находилась всего в пяти милях в тихом городке с кирпичной церковью, начальной школой и ткацкой фабрикой. Так что тянуть шоссе и железную дорогу предстояло совсем недалеко. Ханс Якобсен разыскал во Франции архитектора, который строил тот самый «Гранд-отель», где он праздновал юбилей. Почему-то Якобсену казалось, что архи-

тектор закапризничает, скажет, что не хочет копировать сам себя, или, пуще того, откажется дублировать свою прекрасную родину в этой скучной северной стране. Но тот оказался весьма сговорчивым типом и согласился сразу же, правда, заломил немаленький гонорар. Ханс Якобсен посмотрел на него с некоторым презрением, подумав про себя: «Я бы ни за что не согласился, если бы мне, к примеру, заказали построить точно такой же, как у нас, кафедральный собор где-нибудь в Ницце или Марселе!» – но тут же понял, что его недовольство капризно и несправедливо. Ведь ему нужен точно такой же «Гранд-отель», а кто его сделает лучше, чем первоначальный создатель?

«Гранд-отель» на берегу холодного озера был готов через четыре года. Еще полтора года ушло на подтягивание железной дороги, прокладку шоссе и устройство хороших каменных дорожек вокруг озера. Якобсен рассчитывал, что богатые и знатные люди из столицы рано или поздно начнут покупать земельные участки рядом и строить там свои виллы. Так и случилось, но слишком нескоро, когда Якобсен стал совсем стар, перестал интересоваться прибылями своей компании, когда ему стало скучно слушать, как помощники докладывают о росте производства и капитализации активов. Впрочем, империи Якобсена уже давно не было, не было этого огромного цельного организма, в одной части которого из железной руды выплавляли сначала чугун, потом сталь, а на другом конце выходили новенькие пистолеты и автома-

ты. Где на одном конце собирали какао, а на другом – с конвейера сходили завернутые в фольгу шоколадки, и девушки-укладчицы засовывали их в специальные кармашки солдатских ранцев. Да и ранцев, признаться, было совсем мало, потому что современная война ведется по большей части с воздуха. Империя превратилась, как нынче выражаются, в мегахолдинг, плохо понятный самому Якобсену конгломерат, состоящий из банков, управляющих компаний и производств, вынесенных в далекие теплые страны, где рабочая сила стоит дешево, а цеха отапливать не надо. «Холдинг, холдинг», – тоскливо думал Якобсен. Ему это казалось деволюцией – эволюцией наоборот, как будто бы человек, венец творения, стал превращаться обратно в обезьяну, потом в пресмыкающееся, а там и в какого-то осьминога или медузу.

Но это случится еще не скоро, а пока Ханс Якобсен занимался «Гранд-отелем». Строители железной дороги тянули рельсы, возводили красивую станцию, а между тем мастера-мебельщики обставляли номера, вешали гардины, вставляли зеркала в рамы, полировали черные фальшивые балки, которые украшали потолок в центральном зале «Гранд-отеля» – трехцветном, простиравшемся на три этажа вверх. В этом зале была огромная гостиная с библиотекой. Надо было еще подобрать книги, чтобы заполнить все восемь огромных шкафов по десять рядов каждый. Надо было купить картины, статуи и вазы, которые должны стоять на лестничных

площадках. Наконец, надо оборудовать целых три ресторана. Светлый и легкий ресторан для завтрака, большой и тяжеловесный ресторан для обедов и ужинов и отдельно – банкетный зал. Не забыть, кстати, про бильярдную. Кроме того, Якобсен решил бросить через залив в его узкой части, там, где он смыкался с другим то ли озером, то ли заливом, мостик на противоположный остров и устроить купальню. Он поручил промерить глубину залива. Ого! Целых шесть метров, более чем достаточно для того, чтобы сюда могли заходить маленькие яхты. Поэтому была построена небольшая марина, то есть яхтенный причал.

И вот когда Хансу Якобсену исполнилось пятьдесят шесть лет, все было наконец готово. Открытие «Гранд-отеля» превратилось в крупное национальное событие. На празднование были приглашены не только знаменитейшие и богатейшие люди страны, не только банкиры, промышленники, кораблестроители, генералы и министры, но и королевский двор. Было послано всеподданнейшее приглашение их величествам, а также августейшим наследникам и наследницам принять участие в праздновании открытия великолепнейшего отеля-курорта, первого в стране по красоте и роскоши. Вы можете себе представить, их величества прибыли, и принцы и принцессы тоже! Король и королева отбыли вечером, а наследный принц и его младшая сестра в сопровождении гувернеров и фрейлин – ибо они были еще в гимназическом возрасте – остались развлекаться музыкой и играми на све-

жем воздухе еще на два дня. Они поселились как раз в семи-комнатном королевском апартаменте.

Действительно, «Гранд-отель» не сразу, постепенно, но все-таки стал популярным местом отдыха богатых горожан. Даже из-за границы сюда приезжали провести одну-две недели около прохладной воды, погулять по живописным островкам, которые теперь были соединены мостиками, покататься на маленьких яхтах – была такая отдельная услуга, ну и просто немного отдохнуть.

* * *

Все это Ханс Якобсен рассказал актеру Дирку фон Зандову еще через двадцать два года.

* * *

А еще через тридцать лет – то есть примерно лет десять тому назад – старый актер Дирк фон Зандов поставил чемодан в багажник такси, уселся рядом с шофером, скомандовал: «Гранд-отель!» – и назвал адрес поселка, который уже давно разросся вокруг детища Ханса Якобсена.

Пробок почти не было. Дирк разговорился с таксистом – тот был сербом, но очень давно жил здесь. Ему все нравилось. Особенно же ему нравилось то, что по законам «ва-

шей, а теперь уже нашей, прекрасной, чудесной страны», как говорил он, стоимость кредита не меняется годами, несмотря на все колебания рынка, несмотря на инфляцию и рост цен. «Смотрите сами, – восторженно он говорил Дирку. – Двадцать лет назад я взял свой дом в кредит за двести тысяч крон. Уже через пять лет цены взлетели, и этот дом стал стоить триста пятьдесят тысяч, еще через пять лет – шестьсот! Через пятнадцать – чуть ли не полтора миллиона, а я спокойно выплачивал кредит по старым условиям, как будто этот дом до сих пор стоит те несчастные двести тысяч. Какое чудо, какая выгода! Я в прошлом месяце закончил выплачивать по кредиту, у меня зарплата совсем не такая, цифры изменились, стали чуть ли не в пять раз больше, а я выплатил последние десять тысяч крон, и теперь я фактически миллионер, теперь мой дом стоит самое маленькое два с половиной миллиона! Таксист-миллионер! Какое здесь прекрасное, мудрое и справедливое государство!» – радостно хохотал он.

Дирк фон Зандов даже пожалел, что не догадался в свое время взять кредит хотя бы на небольшую двухкомнатную квартиру. Но ему тогда было не надо, квартира у него уже была, а вот если бы он умел рассчитывать и понимал, куда ветер дует, то он бы тоже взял в кредит квартиру, а может, даже две, и сейчас был бы богатым человеком. Но – нет так нет. Задним умом мы все – крупнейшие коммерсанты. Не всем так везет, как этому сербу, и не все так умеют делать деньги, как Ханс Якобсен. Серб рассказывал о своей семье,

о жене, о дочери, о внуках, говорил почти без акцента или даже без акцента совсем. Во всяком случае, Дирк ни за что бы не догадался, что перед ним сидит серб. Просто пожилой смуглый мужчина. Он задал несколько вопросов Дирку. Кто он, что и как. Тут Дирк удостоверился, что это действительно серб, потому что среди местных жителей не было принято задавать вопросы, да и рассказывать о себе тоже как-то не было в обычае. Причем если рассказывать о себе – дело добровольное, то уж задавать вопросы считалось совсем неприличным.

– Да так, – сказал Дирк. – Уже на пенсии, а еду отдохнуть.

– Надолго? – спросил водитель.

– Нет, всего на одни сутки. Устал, хочу чуть-чуть развеяться. Кину сейчас чемодан в номер, пройдусь, подышу чистым воздухом, посплю в тишине, с открытым балконом, и домой.

Потом он немножко задремал.

– Приехали, – сказал водитель.

Дирк встряхнулся, отворил дверцу, вышел из машины, огляделся. Перед ним был длинный двухэтажный корпус какого-то дешевого пансиона. Никакого морского залива, никакой роскоши. Сзади был лес.

– Куда вы меня привезли? – спросил он. – Куда мы приехали?

– «Гранд-отель», как заказывали. – Водитель показал рукой.

И в самом деле, над входом в этот барак торчала безвкусная желто-красная вывеска: «Гранд-отель».

– С ума сойти! – вознегодовал Дирк. – Что-то я ничего не понимаю. Какой же это «Гранд-отель»?

– Да уж какой есть, – ответил водитель. – Совсем неплохой! Как раз погулять, переночевать и домой.

– Нет уж, позвольте! Мне нужен «Гранд-отель», который стоит на берегу, там спуск к воде, там яхты стоят у причалов, большой дом с колоннами. Вы что, никогда никого туда не возили?

– Ага! – Водитель даже руками всплеснул. – Ага! Так вам нужен тот «Гранд-отель»? Так бы и сказали, что вам нужен тот «Гранд-отель», а не этот!

– Ну, мой дорогой, – сказал Дирк, сдерживая возмущение. – Что значит «тот» или «этот»? Откуда мы с вами знаем, какой здесь «этот», а какой «тот»?

Но потом решил обратить дело в шутку:

– Вот когда мы туда приедем, туда, куда мне нужно, тогда вы сразу и поймете, что тот «Гранд-отель» и есть самый что ни на есть этот! А этот приют для беженцев и есть «тот» «Гранд-отель»!

Он заставил себя засмеяться. Заставил, потому что был оскорблен до глубины души. Ведь серб-таксист, глядя на него, решил, наверное, что ему, небогато одетому старику, нечего делать в том, роскошном «Гранд-отеле». Что ему самое место в этом жалком хостеле. Ясно было также, что серб

сделал это не нарочно. Какое дело сербу-эмигранту, который имеет дом за два с половиной миллиона крон, какое ему дело до Дирка фон Зандова? Он это имя и не слышал никогда. Наверняка не видел знаменитого фильма с его участием. Он для него просто неважно одетый старик. Но именно потому, что водитель был абсолютно искренен и доброжелателен, Дирку стало еще обиднее. Таксист тоже понял, что получилось неловко, и всю дорогу до того, настоящего «Гранд-отеля» бормотал: «Ах вот оно, оказывается, какое дело, ну простите меня, не разобрался. Нужно было, конечно, сразу понять, что такой солидный господин поедет в тот, настоящий “Гранд-отель”. Я много раз возил туда разных господ. Хорошие господа, щедрые», – проговорил он, как будто намекая на чаевые. Однако, чувствуя вину, не стал брать с Дирка лишние деньги за дополнительное путешествие – от «того» «Гранд-отеля» к «этому». И когда Дирк сказал, глядя на счетчик: «Тут, кажется, что-то настучало сверх заказа?» – ответил: «Что вы, что вы, моя вина, моя вина». Вышел из машины, открыл Дирку дверь, а потом достал из багажника чемодан на колесиках, со щелчком выдернул из него ручку и подвинул к Дирку фон Зандову.

В просторном сквозном холле никого не было. За стойкой рецепции тоже было пусто. Дирк огляделся. По углам, ближе к большому стеклянному выходу к воде, – а подъехали они, разумеется, с тыльной стороны, – стояли две высокие фарфоровые вазы. Дирк их помнил. На этих вазах были изобра-

жены его величество и ее величество в память королевского визита в день открытия отеля. Раздался звук каблучков, в рецепцию влетела девушка.

– Ах, извините, – быстро заговорила она. – Заставила вас ждать. Я к вашим услугам.

– У меня заказан номер.

– Да, пожалуйста. Ваше имя, если вас не затруднит.

– Дирк фон Зандов.

– Простите? – переспросила девушка.

– Дирк фон Зандов. Уж не знаю, на какую букву. Может быть, на Д. Нет, Д – это имя, значит, наверное, на З. Зандов, запятая, Дирк фон.

После разговора с сербом ему казалось, что все стараются его унизить. Как-то походя указать на его место.

Да, если б это было тридцать или хотя бы двадцать пять лет назад, девушка не стала бы спрашивать его фамилию, а сама бы закричала: «О, вы – Дирк фон Зандов?» Еще лет пятнадцать назад, услышав его фамилию, она бы, наверное, попросила у него автограф. Но теперь уже всё.

– Да, господин фон Зандов, – сказала девушка, – да, конечно, есть резервация. Номер двести один. Два ноль один. В новом крыле.

– Почему в новом? – возмутился Дирк. – Когда я заказывал номер по телефону, меня никто не предупреждал. Я приехал в «Гранд-отель», я хочу провести время в хорошем, удобном, красивом номере.

– Господин… фон Зандов. – Девушка покосилась на бумажку. – Господин фон Зандов, все прекрасно, все отлично. Новое крыло значительно комфортабельнее старого. Скажу вам откровенно и честно, что в историческом здании уже этой осенью начнется большой ремонт. Там все облупилось. Современным клиентам не по душе эта дряхлая золоченая роскошь. Главное – удобство и комфорт. В новом крыле самая лучшая мебель, самая лучшая ванная комната, самый лучший балкон. – И, чуть перегнувшись к нему, доверительно сообщила: – Если вы желаете, если вам удобно, я могу вас прямо сейчас провести в любой номер в историческом крыле, и вы лично убедитесь, что это просто сарай по сравнению с новым крылом.

– Как вы, однако, выражаетесь – «сарай»! – зло сказал Дирк. – Если ваш начальник услышит, он вас не похвалит за такую рекламу.

Девушка хмыкнула и показала белые зубы.

– Я всего лишь демонстрирую свое доверие лично к вам,

господин фон Диркман, ах, простите, Зандов.

«Черт их разберет с их нынешним гостиничным этикетом», – подумал Дирк, а вслух сказал:

– Ну хорошо, новое крыло так новое крыло. Давайте ключ.

– Простите, пожалуйста, господин фон Зандов, – опечалилась девушка. – Сейчас тринадцать часов двадцать минут. У нас заезд с четырнадцати часов.

– Черт! – буркнул Дирк. – Смешно, однако. А выезд когда?

– Чек-аут ровно в полдень, в двенадцать ноль-ноль.

– Смешно! – уже с настоящей злостью повторил Дирк. – Получается, что вы мне сдали номер не на сутки, а на двадцать два часа? Хоть чуточку, хоть пару часиков, да зажулить? Молодцы!

– Господин фон Зандов, – успокоительно сказала девушка, – одну секундочку.

Позвонила по телефону и что-то спросила на непонятном языке. Нажала отбой. Снова улыбнулась Дирку:

– Господин фон Зандов, ваш номер уже готов. Вот ключ. Бой вас проводит.

– Вы по-каковски говорили? – грубовато спросил Дирк. – По-сербски, что ли?

– Нет, – ответила девушка, – по-русски.

Глава 2. После полудня. «Гранд-отель». Письма

Номер в самом деле оказался очень хороший. Новое крыло «Гранд-отеля» располагалось правее, если смотреть на воду, поэтому из окон номера видны причал и марина. На марине стояло полтора десятка яхт. Причал и сбегающие к нему посыпанные светлым крупным гравием дорожки левее. А если смотреть прямо, то виден остров с купальней, а немного правее – на нашем, так сказать, берегу – невысокие заборы и за ними линия небольших, но довольно красивых домиков с красными крышами. За этими домиками росли деревья и дальше кверху поднимался холм, так что ясно, что никакой второй линии домов здесь нет. На холме стояла небольшая церквушка – красивый шпиль и крест на фоне серого, но безоблачного неба. Дирк вспомнил, что раньше этой церквушки не было. Кажется, и домиков не было тоже. Ну, может быть, один или два – он точно не помнил.

Для того чтобы как следует рассмотреть марину и главный спуск к воде, требовалось сильно свернуть голову налево, и это немного злило. Но в целом, повторяю, номер был прекрасный. Большая комната не меньше сорока метров. Это пространство позволило разбросать по углам широкую двуспальную кровать, письменный стол, а также некое подобие

гостиного гарнитура – диван, два кресла и круглый столик. Правда, обстановка казалась несколько эклектичной. Над диваном – лаконичные бра в стиле ар-деко, на письменном столе стояла старомодная зеленая лампа, но с потолка свисала совсем современная, даже авангардная люстра, асимметричная, с медленно вращающимися стеклянными подвесками геометрической формы. Рядом с кроватью, по обе ее стороны, стояли, как положено, две тумбочки. У тумбочки с телефоном и решил расположиться Дирк. Сел на кровать, примял ее своим весом, чуть-чуть подвигался – матрац был безупречен. Огляделся, рассмотрел номер внимательнее. Пол из длинных дубовых досок благородного темного цвета. Дирк отодвинул ногой прикроватный коврик, присмотрелся, присел на корточки и поковырял ногтем – так и есть, ламинат. Зато на стене висела не репродукция, не гравюра, а настоящая акварель в светлой деревянной раме. Все тот же традиционный национальный пейзаж: море, шхеры, кораблик, низкие облака. На среднем плане – крупные лиловатые цветы. Дирк подошел поближе. Акварель была, безусловно, подлинная, с размашистой подписью в левом нижнем углу. Он подумал: «Что лучше? Хороший пол из ламината, качественный суррогат, или оригинал, но весьма посредственного свойства? Неразрешимый вопрос!» Ближе к двери стояла раскладная подставка для чемоданов. Дирк втащил ее в комнату, разложил, взгромоздил на нее чемодан, но раскрывать не стал. На гостином столике стояли две бу-

тылки с минеральной водой и лежало яблоко. Что-то было написано на сложенной треугольником бумажке. Он прочел – приветствие постояльцам – и убедился, что вода и яблоко бесплатные. Комплимент. Отвинтил крышку одной из бутылочек, налил в стакан, напился. А то что-то горло пересохло. Яблоко понюхал и положил на место. Огляделся. Рядом с комодом стоял еще один шкафчик, он открыл его. Это был холодильник, в холодильнике, как водится, мини-бар. Он приоткрыл его: все тот же набор. Разнообразная выпивка в маленьких бутылочках, шоколадки, чипсы, сникерсы и прочее. И прейскурант. Каждая эта штучка стоила примерно в пять раз дороже, чем в ресторане, и в десять раз дороже, чем в магазине. Он прикрыл дверцу и вышел, проследив, чтобы не забыть ключ. Дошел до рецепции. Русская девушка скучала, читая книгу. Наверное, русскую книгу? Он заглянул на страницы, нет, книга была на английском.

– Изучаете третий язык? – спросил он девушку.

– Почему третий? – Она подняла глаза.

– Ну, ваш родной русский, наш язык и вот теперь еще английский, – объяснил Дирк.

– Да, в этом смысле да. Чем могу быть полезной? Вы устроились? Как вам номер? Может быть, что-нибудь нужно?

– Нет, все очень мило – сказал Дирк. – Только шея болит.

– Вызвать врача? – спросила девушка.

– Что вы, я шучу. Я не в том смысле.

Она молчала и не спрашивала – в каком.

– Я в том смысле, – любезничал Дирк, пристально глядя на девушку и удивляясь тому, что она совершенно не реагирует на него ни как на бывшую знаменитость, это уж ладно, ни даже как на мужчину приятной наружности. Пусть пожилого, но все-таки. – Я вот в том смысле, – продолжал Дирк, посмеиваясь, – что для полноценного любования пейзажем, особенно мариной, причалом и вашими очаровательными коваными скамейками, которые стоят около лестницы, мне приходится сильно сворачивать голову налево!

Девушка смотрела на него, не понимая, что ему надо.

– Нет, разумеется, – говорил Дирк, – номер прекрасный, и я ничего не хочу и не требую. Однако маленькая просьба – не могли бы вы мне показать какой-нибудь старый номер, в старом, вот именно в этом здании? Быть может, есть хоть один свободный? По старой памяти, так сказать. Видите ли, так случилось, что я целый месяц, наверное, – да какое месяц! два месяца, а то и больше, – прожил в вашем отеле, в номере триста два.

– Это люкс, – сказала девушка.

– Вот именно, в люксе, в номере триста два. Ах, если бы вы только знали, кто жил в номере триста три!

Девушка молчала. Дирк нагнулся к ней и прошептал:

– Сам Ханс Якобсен!

Девушка не реагировала. Она смотрела на Дирка вежливо, внимательно и невыразительно, будто ожидая следую-

щих распоряжений, но распоряжений не было, и поэтому она просто ждала.

– Ханс Якобсен – это же владелец и строитель вот всего вот этого! – И Дирк развел руками, показав на стеклянные двери, колонны, люстры, фарфоровые вазы с портретами августейшей четы и прочие роскошества «Гранд-отеля».

– Понятно, – кивнула девушка, – одну секундочку. Номер триста три занят, – сказала она, полистав какую-то тетрадку.

Дирк с удовольствием отметил, что сюда еще не добрались компьютеры. Или таков стиль «Гранд-отеля»?

– И триста два тоже, – вздохнула девушка, – а в триста четвертом сейчас уборка. Можем туда зайти, если вам угодно.

– Спасибо, – отозвался Дирк. – Пойдемте. А вы все записываете в тетрадку, как тридцать лет назад. Как же цифровая цивилизация, где же ваш компьютер?

– Мой ноутбук у меня в сумке, а здесь компьютеров нет. Это наш стиль, – пояснила она, словно бы повторив мысли Дирка.

– Отлично! – Он прищелкнул пальцами.

– Пойдемте, – сказала она и вышла из-за стойки.

– Не боитесь оставить рабочее место? Вам за это не влетит? – спросил Дирк, все еще надеясь расшевелить девушку, добиться от нее какой-нибудь простой и непосредственной реакции.

– Нет, разумеется, – улыбнулась девушка. – У нас очень гуманный менеджмент. *Employee friendly*. Кроме того, боль-

шой съезд гостей ожидается только к семнадцати часам. Лифта у нас нет, – предупредила она, когда они приблизились к лестнице.

– Я же только что говорил, что жил здесь тридцать лет назад, – заметил Дирк.

– Ах да, извините, – равнодушно сказала девушка.

Она пошла вперед, Дирк шел за ней по мраморной, широкой, покрытой ковром с латунными прутиками лестнице. Однако лестница была не такая уж пологая. Девушка шла на три ступени впереди, и ее ягодицы, обтянутые короткой синей юбкой, двигались почти что перед носом Дирка.

– Мадемуазель, – заговорил он, – по правилам этикета вверх по лестнице мужчина должен идти впереди женщины.

– Отчего так? – Она резко остановилась, повернулась. – Вы это точно знаете?

Не оставляя желания получить какой-то отклик со стороны девушки, Дирк объяснил:

– Ну как бы вам сказать, мадемуазель. Когда девушка поднимается впереди, на несколько ступеней выше тебя, возникает некоторый соблазн. Девушке должно самой стать слегка неловко.

– Не обращайте внимания. Я не феминистка и не кисейная барышня, я служащая отеля.

Дирку оставалось только ущипнуть ее за задницу, чтобы добиться человеческого ответа, но этого он все-таки решил не делать. Он вспомнил, что ему уже за семьдесят и для де-

вушки он просто деталь интерьера.

Поднимаясь наверх, они оказались на галерее второго этажа, откуда сверху был виден просторный – пожалуй, чрезмерно просторный – зал с огромными книжными шкафами и тяжелыми кожаными креслами.

– Секундочку. – Дирк ненадолго остановился, любуясь этим почти готическим пространством с высокими потолочными балками и стеклянными проемами окон, сквозь которые было видно то самое знаменитое безоблачное, но при этом серое небо.

Внизу раздался топот ног. В зал вбежали мальчик и девочка. Наверное, они бегали по причалу или играли в какую-то детскую игру, потому что видно было, какие они раскрасневшиеся и усталые. Они плюхнулись в тяжелые кожаные кресла друг против друга. Девочка стала тарабанить кулаками по кожаным подушкам, а мальчик быстро выковырял с полки книжку, раскрыл ее и стал читать, вернее, делать вид, что читает, потому что девочка приставала к нему с какими-то вопросами, а он отмахивался от нее. Им было лет по двенадцать, возможно, несколько больше, они были очень похожи друг на друга, вероятно, брат и сестра. Непонятно, кто старше, кто младше, не исключено, что близнецы.

– Пойдемте, – сказал Дирк девушке.

Он на мгновение задержался перед номерами 302 и 303, неизвестно зачем пальцем провел по двери сначала одного номера, потом другого.

Девушка отомкнула номер 304.

Дирк огляделся. Было видно, что в номере жила какая-то очень неаккуратная парочка. Стулья стояли неловко и нелепо. Как будто бы за этим столом сидели четверо – то ли играли в карты, то ли выпивали, а потом вдруг поссорились, повскакивали с мест и исчезли. Такой был вид у этих стульев, отодвинутых, даже оттолкнутых от стола. Один стул и вовсе лежал на спинке. Дирк увидел, что к ножкам стула приделаны войлочные нашлепки, а на эти нашлепки налипли клочья пыли и волос. «Неважнецкая здесь уборка, – решил Дирк и подумал: – Сказать ей об этом? Может, хоть тут она обидится, покраснеет, рассердится? Нет, она просто ответит: “Извините, сударь”, – и делу конец. Не надо». Смежная комната была спальня. На кровати комом лежало одеяло, одна подушка отшвырнута в угол, другая стояла на попа, на обеих тумбочках – пустые пивные бутылки и вскрытые пачки с чипсами.

– Молодежь? – спросил он у девушки.

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Хотите выйти на балкон?

– Да нет, не надо. Вы были правы, смешно смотреть на это роскошество полувековой давности. Мой номер лучше. Вы просто умница, большое спасибо. А вы из России?

– Да.

– Давно ли?

– Уже шестой год.

– Вероятно, уже получили паспорт, в смысле – гражданство? Ах, извините, подданство, хотя никакой разницы. Да?

– Нет, – сказала она. – Жду. Пока только временный вид на жительство.

– Но хоть продлевают легко?

– Нормально.

– Простите, еще хотел спросить, – начал он, пока они спускались по лестнице. – А в королевском номере, он же президентский, кто живет?

– Это вы про семикомнатный апартамент? Его еще года четыре назад, я как раз это помню, разделили на два трехкомнатных. Один королевский, другой президентский. – И она вдруг засмеялась – громко, искренне, показывая зубы и морща нос.

– Что такое? – спросил Дирк. – Вам смешно, а я не понял!

– Так, ничего, извините. – И она перестала смеяться, как будто ее выключили.

Дирк с разгона подумал, вернее, произнес в уме что-то вроде «загадочная русская душа», но тут же сказал сам себе, что это банальные и пошлые слова.

Вернулся в свой номер, разложил чемодан. Собственно, раскладывать ничего не надо было. Запасная пара туфель на случай внезапного дождя, которые здесь случались регулярно, две чистые сорочки, одна на вечер, другая на завтра, смена белья, ночная фуфайка и теплые ночные носки. Вот и все. Можно было оставить вещи в открытом чемодане, но Дирк

вытащил сорочки, развесил на плечики, а запасные туфли поставил на коврик возле входной двери. Спрятал носки и фуфайку под подушку. Белье, трусы и майку, положил на полку в комоде.

«Им, наверное, очень одиноко, – подумал Дирк. – Но, с другой-то стороны, они все-таки вдвоем. Трусы и майка. Они вдвоем, им весело. Две сорочки, они тоже вдвоем – им тоже весело. И носкам под подушкой в компании фуфайки весело, не говоря уже о туфлях, которых – пара. А вот я один. Как чемодан. Фу, как банально и как пошло».

Он еще раз прошелся по номеру. Заняться было решительно нечем. Не Библию же читать, которая, по всем правилам, должна лежать в выдвижном ящике тумбочки. На всякий случай он проверил: так и есть, лежит. Дар «Гедеоновых братьев». На письменном столе, рядом с папкой, в которой перечислялись всевозможные услуги отеля – телефоны, достопримечательности и ресторанные меню, – лежал еще какой-то красивый глянцевый буклет, даже не буклет, а целая книжечка.

Дирк присел за стол, взял ее в руки, взглянул на обложку и увидел на ней свое лицо. Увидел себя тридцать лет назад, но в стариковском гриме, – при этом непохожего на себя, сегодняшнего старика. И надпись: «В последний раз».

Ах вот оно что!

Оказывается, они гордятся этим. Оказывается, они рассказывают всем постояльцам, что именно здесь, в «Гранд-

отеле», тридцать лет назад снимался один из самых знаменитых фильмов XX века. Великий фильм великого Анджело Россиньоли под названием «В последний раз». Фильм, который получил несчетное количество премий и призов на всех мировых фестивалях – венецианского «Золотого льва», каннскую «Золотую пальмовую ветвь», берлинского «Серебряного медведя», специальный приз Московского фестиваля и даже, представьте себе, два «Оскара» – за режиссуру и за лучшую мужскую роль.

* * *

Это был один из самых необычных фильмов в истории кино. Поразительное сочетание художественности и документальности, прочитал Дирк в буклете. Дело в том, что фильм был создан по заказу крупнейшего промышленника, миллиардера, главного акционера компании «Якобсен», самого Ханса Якобсена.

Старик Якобсен, рассказывалось в буклете, когда ему исполнилось семьдесят семь лет, пожелал снять фильм о самом себе. Точнее, не о самом себе, не о своей длинной жизни, на это не хватило бы никакого сериала, а о том, как он прощается с жизнью, с молодостью, с энергией и счастьем. Фильм о том, как некий миллиардер Якобсен, то есть он сам, решил напоследок устроить праздник, пир, концерт и фестиваль для всех своих друзей. Для знаменитых музыкантов,

актеров, банкиров, художников, промышленников, ученых, кого только хотите, для всех тех, кого он знал и любил, с кем общался за годы своей жизни. Он пригласил этих людей и попросил каждого сыграть самого себя в этом фильме-прощании, сценарий для которого будет писать знаменитый Роберт Виндхаус, а снимать – величайший Анджело Россиньоли. Его отговаривали, его убеждали, что вряд ли Патриция Кинси захочет играть саму себя и вряд ли Дюпон Шестой приедет из Соединенных Штатов для того, чтобы сыграть в крохотном эпизоде, но старик был упорен. Он писал письма, уговаривал, кому-то сулил деньги, кому-то обещал выстроить музыкальную школу его имени, а кого-то просто по-стариковски умолял. В результате съехались все. Да, не почти все, а именно все, кроме тех, кто уже скончался, разумеется. Получились самые интересные в мире титры. Там было написано – в роли Маргарет Суини Маргарет Суини, в роли Джейсона Маунтвернера Джейсон Маунтвернер, в роли Менахема Либкина Менахем Либкин, в роли Альбертины Райт Альбертина Райт и так далее.

Злые языки утверждали – но этого уже не было в буклете, это Дирк знал сам, – что сумасшедший успех фильма «В последний раз» был связан именно с этим. Не с невероятной режиссурой, не с потрясающим сценарием и даже не с какой-то особой мыслью, месседжем, как принято нынче говорить. Месседж был самый обыкновенный: все кончается, на смену сильной зрелости приходит печальная старость, дере-

вья шумят, а мы умираем, а потом умирают и деревья. Какая пошлость и банальность – повторим уже в третий раз. Завистники говорили, что успех фильма состоялся именно благодаря этой неординарной затее: собрать три десятка знаменитостей, богачей, политиков, персонажей светской хроники и заставить их изображать самих себя. Но завистники, конечно же, были не правы, хотя для рядовых зрителей такие имена на афише значили очень много. Однако даже если так – в затее этой как раз и проявился могучий предпринимательский гений Ханса Якобсена. Чтобы достичь успеха, он в начале своей карьеры стал делать солдатские ранцы и снабжать ими армии всех воюющих стран. Настолько хорошие ранцы, что у него их одновременно покупали противники. Так и здесь: он сумел дать такую коммерчески удачную и одновременно художественную идею, потому что ее художественность заключалась именно в неприкрытой, искренней, откровенной, отчасти даже простодушной подлинности. Зачем брать какого-то скрипача, работать с ним как с актером, а потом под его беспомощное пиликанье подкладывать фонограмму Менахема Либкина? Пускай сам Менахем Либкин и сыграет. Зачем заставлять актера из последних сил изображать Джейсона Маунтвернера, перед тем изучив нравы миллиардеров, прочитав биографию Маунтвернера, отсмотрев кусочки кинохроники, где он мимоходом запечатлен, – зачем? Пускай сам Джейсон покажет, как он умеет резать стейк, вытирать губы салфеткой и обращаться к своему

соседу, известному режиссеру, фильм которого он когда-то финансировал.

Но вот в роли самого себя Якобсен хотел увидеть актера. Искали его не меньше года. Якобсен лично пересмотрел несколько фильмов, проконсультировался с продюсерами и, кажется, подобрал на роль человек пять стариков. Больше всего ему нравился Орсон Уэллс. Однако маэстро Россиньоли настоял на том, что актер должен был молод, ну не совсем, не двадцати пяти лет, но не меньше тридцати шести, а лучше всего сорока – сорока двух.

– Почему? – удивился Якобсен.

– По двум причинам, – объяснил Россиньоли.

Это был жирный итальянец с наглым лицом и жалобными масляными глазами. Якобсен с молодости любил его фильмы. Россиньоли был ненамного его моложе, кстати говоря. Якобсен помнил, как после премьеры одного из фильмов – это была знаменитая «Аллея» – он нарочно отпустил шофера и пешком возвращался из кинотеатра. Шел куда глаза глядят, заплутал, вышел в порт, долго пил пиво в каком-то странном месте и потом часа два окольными путями добирался до дома. Шел, глотая слезы. Он видел фотографии Россиньоли, но ему и в голову не приходило, что этот великий художник – такой шумный и отчасти сальный весельчак.

«Возможно, – подумал мудрый Ханс Якобсен, – все дело в географии». Когда-то он читал, что для скандинавских психиатров итальянцы, особенно уроженцы юга, – это про-

сто клинические психопаты: крикливые, вспыльчивые, громогласные, машущие руками и брызжущие слюной. А для итальянских психиатров самые нормальные жители Скандинавских стран – это люди, страдающие клинической депрессией: молчаливые, робкие, задумчивые, с неподвижными лицами и глазами, устремленными вовнутрь себя. Вспомнив об этом, Якобсен сумел-таки перебороть свою внезапную антипатию к синьору Россиньоли и полностью заместить ее восторгом перед Россиньоли-художником.

– Старик, – говорил Анджело Россиньоли, – это человек с окостеневшим внутренним миром. Он прожил уже слишком долго, у него были свои радости и страдания, свои трагедии и водевили. – Россиньоли говорил красиво, с итальянскими заворотами и экивоками. – Он успел побыть и печальным Пьеро, и веселым Труффальдино, и умником Тартальей. В нем осуществились и Нерон, и Сенека, он уже проиграл эти роли в собственной жизни, и все эти страдания, восторги и слезы слепились в нем в плотную, ничем не разрушаемую мозаику его личности. Поэтому он будет играть самого себя. Но где мы найдем человека, жизнь которого полностью бы соответствовала вашей, господин Якобсен? – вопрошал режиссер. – А даже если и найдем, это будет лишь поверхностная схожесть. Вот первая причина, по которой я хочу взять сравнительно молодого актера. Но не слишком. – Он поднимал палец. – Двадцатипятилетний и даже тридцатилетний актер, хотя ему кажется, что он многое пережил и перечув-

ствовал, на самом деле все-таки еще чистая дощечка. Мы могли бы нарисовать на этой чистой дощечке вашу жизнь, но это потребовало бы слишком много времени и сил и от меня, и от актера. И я побаиваюсь, что капли пота, пролитые этим актером во время освоения роли, будут просачиваться сквозь едва заметные щели в образе, и это непременно увидят зрители. А вот сорок лет – это человек, который уже состоялся и оформился, но еще не завершился. Его жизнь, его мысли, его страдания и чувства – это своего рода подмалевок, на котором мы будем писать образ Ханса Якобсена. Но вам, господин Якобсен, разумеется, потребуется провести с ним немало дней, ответить на его вопросы, да и просто искренне рассказать о себе. Вы готовы?

– Готов. – И Якобсен вроде бы шутя добавил: – Я уже вложил в подготовку фильма несколько миллионов, да и вам заплатил существенный аванс, не бросать же на полдороге.

Россиньоли понимающе улыбнулся и кивнул. Хотя видно было, что эти слова не доставили ему большого удовольствия, тем более что аванс был меньше, чем он предполагал. «Но с другой стороны, – точно так же подумал Россиньоли, – не бросать же на полдороге: аванс-то получен и затея интересная».

– Кто же будет меня играть? – спросил Якобсен.

– Некий Дирк фон Зандов.

– Первый раз слышу.

– Две недели назад, когда мне назвали имя этого актера, я

сказал то же самое, – покивал режиссер. – Меня уговорили съездить во Фрайбург, где он играет в местном театре. Я не пожалел.

– Кого же он там играл?

– Ашенбаха, – сказал режиссер. – Они там сделали инсценировку «Смерти в Венеции» Томаса Манна. – И осторожно спросил: – Слышали?

– Прекрасно помню, – брезгливо поморщился Якобсен. – Читал. Омерзительный рассказ. Всегда уважал Томаса Манна как мыслителя и гуманиста. Не думал, что он способен написать такое. Пожилой педераст влюбляется в польского мальчика. Какая гадость!

– Тем не менее, – пожал плечами Россиньоли.

– Сам-то он не педераст? – забеспокоился Якоб-сен.

– Никоим образом. Нормальный мужчина средних лет.

– Женат, дети? – продолжал интересоваться Якобсен.

– Нет.

– Ну вот видите!

– Есть постоянная любовница. Точнее говоря, так: у него всегда есть любовница. Я о нем много расспрашивал. Иногда даже две или три женщины одновременно. Нормальный, активный мужчина.

– Точно педераст, – задумчиво проговорил Якоб-сен. – Я читал психологическую литературу. Так вышло, что мне пришлось это читать… Мужчина, который не может создать семью, установить прочные связи с женщиной, – это скры-

тый, бессознательный педераст, даже если он никогда не… – И тут он выразился очень грубо и по-народному. – Простите, маэстро!

– Ну а если даже так, то какая нам разница?

– Ну что ж, – вздохнул Якобсен. – На меня-то хоть похож?

– Отчасти, – сказал Россиньоли. – Но он ведь не должен быть вашей точной восковой копией. В фильме должна быть небольшая загадка, должен быть простор для воображения. Если бы этой задачи не было, если бы задача была просто сделать какое-то, как нынче говорят, реальное шоу, я бы на коленях просил вас сыграть самого себя.

– Я бы все равно не согласился.

– Вы меня не знаете! – расхохотался Россиньоли. – И не таких уговаривал! Ах, надеюсь, что вы на меня не обиделись.

– Ничуть, – сказал Якобсен. – Я люблю общаться с людьми искусства и знаю, что чем гениальнее человек, тем он слабее по части этикета. А вы на меня не обиделись?

Вместо ответа Россиньоли захохотал еще громче и сообщил, что актер приедет в любой удобный день.

Разговор шел в поместье Якобсена.

Дирк фон Зандов работать над ролью приехал именно сюда.

* * *

Желание стать военным оказалось не последним в цепи

эксцентричных стремлений юного Ханса Якобсена. До того как он окончательно поставил крест на своих подростковых мечтаниях и стал делать солдатские ранцы, у него была еще одна фантазия.

– Пожалуй, вы правы, – сказал он как-то за обедом родителям уже после того, как вылечил ногу и остался слегка прихрамывающим юношей пятнадцати лет. – И дядя тоже прав. Тем более что такой случай. – Он пошевелил ногой. – Я бы хотел стать священником, вот что. Посвятить себя церкви.

Родители переглянулись, но промолчали.

Это немножко обидело Ханса. Он сразу понял, что родители опять против. По их выражению лиц понял, по вот этой необычной атмосфере молчания, которая вдруг возникла за столом. Отец как ни в чем не бывало попросил маму подложить ему картофельного салата, а мама спросила отца, не хочет ли он немножко сметаны. Больше к этому вопросу они не возвращались. Но однажды, во время прогулки, когда отец ушел к берегу озера и стал там возиться с удочками, которые он поставил с вечера, мама села на скамейку, пригласила Ханса сесть рядом и сказала ему:

– Да, служение Богу – это великое призвание, я была бы очень рада, если бы ты стал священником. Скажи мне, пожалуйста, сынок, вот что. Кем бы ни хотел стать человек, он всегда планирует свое будущее. Представляет себя через пять, десять, двадцать лет. Если человек хочет стать художником, он представляет себя на выставке своих работ или за

мольбертом, когда ему позирует какая-нибудь красавица… А как ты видишь себя священником? Вот так, с картинкой. Чтоб и я могла представить.

– Очень просто. Вообрази: церковь, много народу, горят свечки, я выхожу и читаю проповедь. Потом ко мне приходят люди, рассказывают о своих делах, каются в грехах, я отпускаю им грехи, даю разные жизненные советы.

– И вот так всю жизнь? – спросила мама. – В какой-нибудь маленькой сельской церквушке?

– Ну отчего же всю жизнь в сельской, – ответил Ханс. – Сначала, после духовной семинарии, в сельской, наверное, или вообще на каком-нибудь рыбацком судне. Говорят, на больших рыболовных судах есть священники. Я точно не знаю, надо узнать. Ну, допустим, сначала с рыбаками, затем с крестьянами, но я буду хорошим священником. О моих проповедях люди будут рассказывать друг другу. А потом меня могут перевести настоятелем храма в какой-нибудь небольшой городок, потом в город и побольше. А годам к тридцати пяти, быть может, я стану настоятелем одной из столичных церквей.

– А дальше? – спросила мама.

– А дальше – чем черт не шутит!

– Ничего себе выражение! – перебила его мама. – Мечтаешь быть священником, а карьеру хочешь строить при помощи черта! Не годится!

– Ну что ты, мама, это просто так говорят, для смеха, про-

сто такое выражение!

– Тебе придется поработать над собой, очистить свой язык от таких выражений. Священник не должен на каждом шагу поминать черта, как ты это любишь. Но ничего, надеюсь, ты с этим справишься. А дальше? Надо говорить не «чем черт не шутит», а «с божьей помощью». Так что там дальше с божьей помощью?

– А дальше с божьей помощью стану епископом.

– Епископом! – Мама всплеснула руками. – И как ты представляешь себя в роли епископа?

– Большой столичный храм, возможно, даже кафедральный собор, – с упоением заговорил Ханс. – Какой-нибудь большой праздник, Рождество или Пасха. Яблоку негде упасть. И вот выхожу я, в золотом облачении. Я взмахиваю рукой, начинает играть орган и петь хор. Все преклоняют колена, я читаю молитву, и все повторяют за мной. Я взмахиваю рукой еще раз. Хор умолкает. Я иду к кафедре, взбираюсь на нее по винтовой лестнице. Знаешь, мама, там сбоку, у колонны, такое приспособление, похожее на золотую бочку с балдахином, оттуда епископ читает свою проповедь?

– Знаю, знаю. Все знают. Ну и дальше?

– Дальше я громко читаю проповедь, и все эти люди, пятьсот человек, а то и тысяча, слушают меня, благоговейно внимают моему слову. Потом я схожу с кафедры, все благодарят меня, я раздаю причастие…

– Жизнь епископа – это не только богослужения, – обро-

нила мама.

– Мне это прекрасно известно, – согласился Ханс. – Еще я принимаю священников, подписываю разные документы, кого-то назначаю, а кого-то и снимаю с должности. Меня все уважают, меня все любят. Священники целуют мне руку, не говоря уже о простых прихожанах. Если они встречают меня на улице, они склоняются к моей руке, а я благословляю их, осеняю их крестным знамением.

– Замечательно, – сказала мама. – Кажется, теперь я поняла, почему ты хотел пойти в армию.

– Ну и почему? – подозрительно спросил Ханс. Он никак не мог найти связи между двумя этими желаниями.

– А вот подумай сам. Ты же очень умный мальчик и сын таких умных родителей, ты должен догадаться сам. В армию идут, чтобы служить нации и королю, в священники идут, чтобы служить Богу и народу, но ты и туда и туда хочешь идти совсем не за этим. – Мама говорила с непривычной строгостью, будто выговаривала взрослому человеку, а не пятнадцатилетнему мальчику.

– Так зачем же? – спросил Ханс.

– Действительно, зачем? – спросила мама и, помолчав, продолжила: – Дорогой Ханс, я хочу задать тебе еще один вопрос. Возможно, тебе покажется странным, что этот вопрос мать задает своему сыну-подростку. Уже два года примерно раз в месяц я получаю письма без обратного адреса, написанные нарочитыми каракулями. Так обычно пишет че-

ловек, который хочет скрыть свой почерк. Или пишет левой рукой, хотя на самом деле настоящий правша. Ну или левша – правой, хотя какая тут разница. Чудны́е письма. Неизвестный поклонник, называя меня на «ты», пишет мне, как я прекрасна, как я изящна и мила и как он в меня влюблен. Я бы не назвала эти письма слишком дерзкими. В них нет никакой непристойности, нет рискованных комплиментов. И это тем более странно. Особенно же удивительно, что это письма без марки. Мой загадочный поклонник доставляет их в почтовый ящик напрямую, очевидно, он пешком бежит со станции. Может быть, это молочник или зеленщик, как ты думаешь?

– Не знаю, – мрачно произнес Ханс. И вдруг грубовато спросил: – К чему ты мне это рассказываешь? Разве прилично, чтобы мать рассказывала сыну такие подробности своей интимной жизни? Ты папе об этом рассказала?

Мать засмеялась:

– Конечно, рассказала, мой милый маленький моралист. Вот мы с папой и гадаем, что это за странности. Какая интимная жизнь, бог с тобою! Какой-то, судя по почерку, не очень грамотный и не слишком умный обитатель здешних мест. Может, действительно молочник, или мясник, или угольщик, да мало ли народу приходит сюда по разным надобностям. А может, кто-нибудь из слуг – садовник, конюх?

– Понятия не имею, – буркнул Ханс.

– Если тебе что-нибудь придет в голову, – попросила мать, – немедленно мне сообщи. Видишь ли, эти письма не так уж мне докучают. Это забавно и не более того, но все-таки в этом есть что-то неправильное, ненужное. Лучше бы их не было.

– При чем тут я?! – вскинулся Ханс.

– Ты, конечно, ни при чем. – Мать развела руками. – Я только поделилась с тобой своими мыслями и задала тебе вопрос. Вдруг ты, проходя мимо домика нашего садовника, случайно видел, как он выводит эти каракули? Нет значит нет. Но ты все-таки подумай.

– О чем?! – спросил Ханс так громко, что отец, который метров за триста проверял удочки, услышал его голос и обернулся.

Ханс увидел фигуру своего отца на фоне серой воды – красивого, стройного, сильного, в высоких сапогах. В руке у него билась серебряная рыбка.

– Что? – издалека крикнул отец.

– Кого поймал? – крикнул Ханс.

– Окунь! – Отец помахал рукой, приглашая Ханса подойти поближе.

Ханс неторопливо пошел к отцу.

– Но ты все-таки подумай, – сказала мама ему вслед.

Он обернулся и спросил на этот раз почти шепотом:

– О чем?

– Зачем ты хочешь стать священником. А про письма забудь.

На следующее утро, едва проснувшись, Ханс понял две вещи. Во-первых, он понял, что имела в виду мама, когда спрашивала об армии и о церкви. Потому что ему приснился сон. Ему снилось, будто он служит в церкви, но при этом на нем генеральская форма, а вместо прихожан солдаты. И вместо слов церковной службы он говорит что-то вроде «равняйсь, смирно, налево, кругом».

Страшный человек его мама. Нельзя быть такой умной и проницательной. Она поняла то, в чем Ханс не мог себе признаться и осознал только сейчас, после этого нелепого сна. Он просто хочет быть командиром. Хочет командовать людьми – безразлично, солдатами или сельскими прихожанами. Хочет отдавать приказы, чтобы от него зависели, чтобы заглядывали ему в глаза и говорили: «Так точно, господин полковник!» или «Да, ваше преподобие!» Чтоб кланялись, отдавали честь и даже целовали ему руки, руки в белых перчатках и золотых перстнях поверх перчаток, как на старинных картинах, где изображены князья церкви. Конечно, думал он, каждый мужчина, даже мужчина четырнадцати-пятнадцати лет, мечтает быть главным, быть командиром. Но все равно почему-то было стыдно. Он ведь убеждал себя, что жаждет служить королю или Богу, а на самом деле хотел, чтобы ему кланялись и щелкали каблуками. Нет, с такими мыслями нельзя идти ни в армию, ни в церковь. Это нечест-

но. Как жаль, что они не поговорили с мамой раньше! Тогда он не делал бы эти изматывающие гимнастические упражнения, не бегал бы на лыжах по холмам и оврагам и не сломал бы ногу.

А во-вторых, он понял, что мама догадалась, что эти письма пишет он. Она ужасная женщина. Вместо того чтобы прямо сказать ему: «Сыночек, ты что, совсем свихнулся, писать своей маме любовные записки? Почитай немного Фрейда и успокойся, ты же умный мальчик, гимназист», – она завела с ним этот издевательский разговор про слабоумного молочника или глупого садовника, который пишет каракулями, как будто бы правша пишет левой. Он действительно писал левой рукой. Она хотела его пристыдить, уничтожить, размазать по стенке, и ей это прекрасно удалось. И с епископом, и с армией, и с этими дурацкими письмами…

* * *

– Осталось только понять, – рассказывал старик Якоб-сен актеру Дирку фон Зандову, – осталось только понять, зачем я писал эти письма. Да, моя мама, госпожа Магда Якобсен, была очень красива, как, впрочем, все мои бабушки и прабабушки, судя по старым фотографиям и картинам, которые висели в нашем поместье. Иногда мне казалось, что в этом есть что-то бесчеловечное.

– В чем? – не понял Дирк фон Зандов. – Что может быть

бесчеловечного в красоте? Красота прекрасна.

– В этом, извините за выражение, половом подборе, – объяснил старик. – Якобсены как будто подбирали себе жен высшего сорта. Лицо, глаза, цвет и пышность волос, рост, фигура – все должно было соответствовать самым высоким критериям. Возможно, они не умели любить. Не знаю, как вы, господин фон Зандов, а я, когда влюблялся, а это случалось много раз в моей жизни, и роковых влюбленностей было не менее трех, так вот, когда я по-настоящему влюблялся, я совершенно не обращал внимания на такие мелочи, как фигура или форма ногтей на ногах. Я любил эту женщину, ее глаза, ее разговор, ее мысли, ее чувства ко мне, а вовсе не ее породные стати.

– Но позвольте, – сказал Дирк, – позвольте мне побыть адвокатом ваших предков. Вероятно, они вращались в таких кругах, где подавляющее большинство женщин были красавицами. Они просто выбирали среди возможных вариантов. Но все эти варианты были одинаково прекрасны.

– Ах, перестаньте! – замахал руками Якобсен. – Так не бывает. Поверьте мне, старику. Нет такого аристократического салона, нет такого купеческого клуба, где собирались бы одни красавицы. Скорее наоборот, там такие крокодилы плавают – страшное дело. Однотипные красавицы встречаются в модельных агентствах, но не в модельном же агентстве искали себе невесту мой отец и мой дед. Просто они обращали внимание прежде всего на внешность, на породу. И это мне

не нравится. Не нравилось тогда и не нравится теперь. Это, повторяю, бесчеловечно.

– Но ведь ваша матушка, – еще раз возразил Дирк фон Зандов, – женщина, как вы сами изволили выразиться, необыкновенного, проницательного ума.

– Случайность, – отмахнулся Якобсен. – Так отчего же я начал писать эти дурацкие письма? Дело в том, что у меня была сестра. Я не рассказывал вам о ней ранее, потому что в нашем обиходе сестры и вообще девушки считались обузой. Как-то вот так, по-крестьянски. В среде аристократов красивая девушка была своего рода валютой, обменным ресурсом, для того чтобы породниться с такой же или еще более аристократичной семьей. Но мы – купцы. Девушке надо подготовить достойное приданое и отдать ее, как говорили в старину, в другую деревню. Вы меня поняли?

– Ну, отчасти, – пожал плечами Дирк фон Зандов.

– Но девочке при этом обыкновенно давалось неплохое образование. Она ходила в женскую гимназию, она читала книги, ее красиво одевали, учили светским манерам, и все это лишь затем, чтобы в семнадцать, ну самое большее в двадцать лет выпихнуть наконец из дома и передать на попечение какому-нибудь богатенькому дураку.

– Почему же непременно дураку?

– Статистика, статистика, мой милый друг. Американец Томас Джефферсон когда-то сказал, рассуждая о женихах для своей дочки, что, по его подсчетам, из пятнадцати пре-

тендентов четырнадцать – полные идиоты. Не думаю, что в наше время и в нашей стране дело обстоит иначе. Так вот, – продолжал Якобсен, – мою сестру звали Сигрид. Мы с ней были погодки, но родились в один год: я второго января – удобно, правда? – а она двадцать третьего декабря, накануне Рождества. Иногда мне кажется, что моя матушка была умна и в этом. Она решила быстро отвязаться от своего детородного долга. Решила, если можно так выразиться, отрожаться побыстрее. Когда-то я ее даже спросил: «Мама, а почему ты родила нас с Сигрид почти что без перерыва?» – «Ах, Ханс! – Якобсен как бы передразнил свою маму. – Ах, милый Ханс, я так мечтала о близнецах, а твой папа хотел иметь двоих детей». Ясно же: она мечтала о близнецах, чтобы отстреляться сразу. Сразу не получилось, значит, с минимальным интервалом. Все, двое детей есть. Фу! Свободна наконец! – И старик Якобсен засмеялся.

– Вы хотели рассказать про письма, – напомнил Дирк.

– Ах да! В один прекрасный день я нашел в кармане своего плаща письмо, написанное вот теми самыми каракулями, которые получаются, когда правша пишет левой. «Милый Ханс, прости, что я тебе пишу. Мы незнакомы с тобой. Я видела тебя только издали, и я влюбилась в тебя. Ты такой красивый, такой стройный, у тебя такие прекрасные русые волосы и голубые глаза. А какие у тебя руки! Как бы мне хотелось, чтобы этими руками ты взял меня за плечи и заглянул мне в глаза своими прекрасными голубыми глазами». И

тому подобная, в целом пристойная, девичья чушь. Вы знаете, сначала я подумал, что это дочка молочника. Он иногда приходил с какой-то кургузой девчонкой, которая помогала ему стаскивать бидоны с тележки. Она ковыряла в носу и смотрела на меня во все глаза. Как-то я подарил ей шоколадную конфету. И вот как будто в ответ – письмо! Вы будете смеяться, господин фон Зандов, но я был так тронут этим письмом, что приготовил целый кулек конфет и вручил их этой девочке, когда она вместе с отцом пришла в следующий раз. Специально побежал к тому входу в дом, где обычно выгружались молочник, мясник и прочая публика. Дал ей кулек с конфетами, и она сказала: «Спасибо». – «Кушай на здоровье, но эти глупости брось». Она захлопала глазами: «Какие глупости?» И тут я увидел, что ей в лучшем случае десять лет. «Ах, простите, барышня, простите бога ради!» – повернулся и убежал. Ну конечно, это была не она. Я сомневаюсь, что она и писать-то умела. Такая малышка! Но даже если бы ей было тринадцать или пятнадцать, как она могла проникнуть в наш дом и в прихожей сунуть письмо в карман моего плаща?.. Довольно скоро я понял, что эти письма (а их потом пришло еще несколько штук) пишет моя сестрица Сигрид.

– Как вы это поняли?

– Да уж, конечно, не с помощью анализа текста, – засмеялся Якобсен. – Однажды я тихо сидел на верхней ступени лестницы и читал книжку. Свет пробивался сквозь окошко верхней площадки. Потом солнце зашло, а я замечтался и

продолжал сидеть. И вдруг услышал шаги и увидел, как внизу моя милая сестричка на цыпочках подходит к вешалке и засовывает белый почтовый конверт в карман моего плаща.

Мне стало страшно обидно. Я почему-то решил, что они дразнят меня – сестра и мама. Мама не раз говорила мне: «Ханс, тебе уже тринадцать, тебе уже четырнадцать лет, а ты все никак ни в кого не влюбишься. На всех вечерах, куда мы тебя вывозим, стоишь в углу, хмуришься, как лесной сыч, ни с кем не танцуешь, не любезничаешь, не здороваешься с девочками за руку, когда они ее протягивают и делают книксен, а ты что-то бурчишь и не догадываешься, что надо сделать в ответ. Ведешь себя как маленький дикарь. Хотя во всем остальном ты прекрасный, образованный, вежливый, воспитанный мальчик». Я был уверен, что эти кошмарные письма Сигрид пишет под мамину диктовку. Вот и решил отомстить. Показать, что я тоже могу написать дурацкое письмо поклонника, только на сей раз не сестре, а мамочке. Пусть ей вернется по спирали то, что она мне послала! И я понял, что сильнее всего на свете хочу убежать из этого дома. От слишком умной и слишком красивой мамы, от бесстыжей сестренки, от такого доброго и демократичного, но при этом совершенно недосягаемого отца.

Вот почему я хотел уйти сначала в армию, а потом в церковь.

Теперь я понял: на самом деле не для того, чтобы командовать людьми, распоряжаться их телами или душами, а про-

сто чтобы понадежней скрыться. Смыться из этого дома к чертовой матери.

Глава 3. Час обеда. Дирк фон Зандов и карьера

– Но в результате вы никуда не убежали… – заключил Дирк.

– Ладно, ладно! – засмеялся Якобсен. Дирк вопросительно на него взглянул. – Мы потом вернемся к этому разговору, если будет нужно. Не думаю, что вам нужно знать все тонкости моей биографии.

– Маэстро Россиньоли говорил, что все, – вежливо улыбнулся Дирк.

– А мы его обманем, – сказал Якобсен.

И было непонятно, шутит он или говорит серьезно.

* * *

Дирк снова вернулся в свой номер и решил переодеться перед прогулкой. Но вдруг вспомнил, что переодеваться не во что. Он ничего с собой не взял. Посмотрел на себя в зеркало, вделанное в раздвижные дверцы одежного шкафа в прихожей. Костюм на нем был приличный, даже более чем приличный, можно сказать, роскошный, но уж больно старый. Что ж, очень дорогой костюм, вспомнил Дирк слышанную когда-то фразу, всегда остается очень дорогим костюмом.

Модные линии тут не важны. Да и какие у классического костюма модные линии? Пуговицы, лацканы, две шлицы – вот и все дела. Конечно, по сравнению с 1950-ми мода немножко изменилась – Дирк помнил смешные широченные лацканы на пиджаках мужчин своего отрочества, – но сейчас уже почти полвека все примерно одно и то же. Он отступил от зеркала на полшага, сколько позволял коридор. Нет, ничего страшного, выглядел он хорошо. Главное, ботинки почти новые и совсем чистые. Куда же пойти? И вот тут он вспомнил, вернее, почувствовал, что очень хочет есть. Он посмотрел на часы. Так и есть – три часа дня. Как раз подошло время обеда. А завтракал он перед выездом, примерно в половине девятого. Он машинально похлопал себя по левой стороне груди, нащупал бумажник, вытащил его из внутреннего кармана – и сунул назад. Даже смотреть нечего, он точно знал, сколько у него с собой денег. Ровно на обратный проезд на электричке с учетом пенсионерской скидки.

Почему он не взял с собой денег и карточку? Потому что денег у него на самом деле не было: пенсия через три дня, на эту поездку он истратил почти треть своего месячного бюджета, а крохотные копейки, буквально на хлеб и молоко, все-таки оставил в ящике письменного стола.

А в городе всего четверть часа пешком от станции.

Он очень удобно жил. Квартира маленькая, но расположена прекрасно – рядом с метро, и там же электричка. Пенсионеры могли ездить по городу совершенно бесплатно, у

него была продолговатая пластмассовая карточка, похожая на кредитку, с портретом и фамилией. Очень удобно, спасибо нашему социалистическому правительству. Квартира у него тоже была социальная. Однокомнатная, но довольно большая и с маленьким закутком без окон, который можно превратить хочешь в спаленку, хочешь в кладовку. Дирк держал там всякую всячину – в основном коробки с фотографиями и несколько старых костюмов на вешалках. Театральные костюмы, те, что не наденешь. Например, замечательный костюм, в котором он играл Густава фон Ашенбаха в той самой постановке «Смерть в Венеции», в которой его увидел Россиньоли, с чего и началась его шумная, но такая короткая актерская слава.

Дирк погасил свет в прихожей, еще раз прошелся по комнате, раздернул занавески и увидел балконную дверь, правда, очень узкую. Балкончик тоже был маленький, узкий и асимметричный, сначала широкий, а потом сужающийся практически до нуля. Но постоять можно, можно даже вдвоем постоять, подышать воздухом перед сном, особенно если ты приехал с женщиной. Мысль о женщине снова задела его. Не сама мысль, а то, что он вспомнил о женщине в первый раз, наверное, за последние три года, если не за пять лет. «Ну ладно, глупости это все», – решил Дирк, отступил с балкона назад, прикрыл узенькую дверь и стал ходить по комнате, произнося в уме банальную фразу: «Что это я хожу, как голодный тигр в клетке?» А ведь он на самом деле

был голоден. Он присел к письменному столу и стал листать большую кожаную папку. Вот и меню. Вот это да! Оказывается, тут есть главный ресторан, который так и назывался «Ресторан “Гранд-отель”», с тремя залами, и еще один, рыбный, в отдельном домике, на берегу, совсем у воды. Не вставая со стула, Дирк покосился налево: да, действительно, вблизи мостика, перекинутого через протоку, стоит длинное низкое зданьице с черепичной крышей. Блюда в меню были какие-то скучные. То же, что всегда и везде: стейк из говядины, стейк из лосося, лосось сырокопченый, говядина сырая в виде карпаччо и что-то еще в таком же роде. Разумеется, какие-то изыски типа оленины, лангустов, устриц – дальше он читать не стал: только живот подводит все сильнее и сильнее с каждой строчкой. Но обратил внимание, что цены совсем какие-то нереальные. Даже в столице в дорогом ресторане по цене одного здешнего блюда можно было плотно пообедать чуть ли не вдвоем. Особенно злило то, что под каждым блюдом указывалось рекомендованное вино. И цена за 15 центилитров, то есть за 150 граммов, – ой-ой-ой. Он встал, в раздражении захлопнул кожаную папку, взял со столика ключ.

Быстрым шагом пробежал по коридору, махнул рукой девочке на рецепции, вышел наружу, но не к воде, а с тыльной стороны. Огляделся.

Двухэтажные домики, маленькие и длинные. Жилые, судя по всему. Тридцать лет назад их здесь не было. Наверное, их построили для тех служащих, которым трудновато каждый

день по утрам ездить сюда из города и вечером возвращаться назад.

У тротуаров стояли дешевые машинки, в окнах виднелась – кое-где были раздвинуты занавески – скромная обстановка. Белые матовые фонарики под потолком, кухонные шкафчики, пестрые картинки на стенах. Мещанский уют рабочего класса. В нос ему шибанул резкий и вкусный азиатский запах. В следующем домике, в первом этаже, было что-то вроде китайского ресторана. На вывеске – большой красный иероглиф. «Даже интересно, что он значит?» – подумал Дирк. Может, ничего не значит, кроме того, что ресторан китайский. Он вспомнил, как читал в городской газете смешную историю о девочке, которая увлеклась восточными практиками и сделала на спине татуировку из китайских иероглифов. А потом на пляже ее увидели настоящие китайцы и долго смеялись, потому что там было написано: «Стирать отдельно: линяет». Эти жулики в татуировочной мастерской просто срисовали иероглифы с этикетки на китайской кофточке. Смешная история не отвлекла его от голода.

Он подошел ближе. В окне видно было, что за прилавком стоит совсем даже не китаец и точно такой же не китаец тряпкой протирает стол. Увидев Дирка, они замахали руками – заходи, мол! Дирк коротко поклонился, отрицательно помотал головой, повернулся и пошел прочь, на ходу думая: «А может быть, плюнуть на все? Наверное, в этом китайском ресторане еда стоит сущие копейки. Съесть тарел-

ку какого-нибудь вока или лапши с курятиной. Денег должно хватить, а возвращаться назад – ну хорошо, сесть в поезд как ни в чем не бывало, а кондуктору предъявить свою пенсионерскую карточку, притвориться старым дураком, который думал, что электрички тоже бесплатные, как и городское метро, а денег с собой не взял. «Ну что, в полицию меня поведете, молодой человек?» Конечно, кондуктор бы махнул рукой, может, даже сказал что-нибудь ободряющее: «Ничего, сударь» или фамильярно: «Ладно, дедушка, езжайте», но вдруг от самой мысли об этом стало ужасно стыдно и вспомнилось, как еще не так давно, каких-то четверть века, нет, каких-то двадцать лет назад, он щедро давал на чай официантам, гардеробщикам в ресторане и даже швейцару, который открывал перед ним входную дверь, не говоря уж о шоферах такси.

Господи, куда все это делось?

Конечно, думал Дирк фон Зандов, я могу проследить это день за днем. Да, да, у меня есть дневники. Когда я стал знаменитым, я был уверен, что их опубликуют после моей смерти или даже при жизни. Дневники и воспоминания: фестивали, приемы, новые роли, встречи со знаменитостями. Писал подробно, и, наверное, если дома засесть за это дело как следует, можно проследить, как это все исчезало. Поймать момент, когда я должен был остановиться, оглянуться и сказать: «Дирк, голубчик, погоди, происходит что-то не то. Еще месяц назад ты записывал шестьдесят восемь телефон-

ных звонков в неделю. Корреспонденты, продюсеры, режиссеры, фотографы из модных журналов, внезапно появившиеся друзья детства, секретари важных политических персон и так далее и тому подобное, а потом звонков вдруг стало пятьдесят четыре, потом – сорок два, тридцать один, восемнадцать, а на прошедшей неделе всего девять, хоть график черти. По звонку в день, и только в среду и четверг по два. Дирк, остановись, подумай, посоветуйся. Не пойти ли тебе к специалисту? Есть аналитики, терапевты, тренеры, мало ли кто, но в любом случае, разве ты не понимаешь, что происходит катастрофа – ты перестаешь быть интересен.

«Но я обманывал сам себя! – воскликнул Дирк в уме. – Я говорил: “Ничего, бывает, сезонное колебание спроса, странное совпадение. Кто-то уехал, кто-то захворал, ушел в отставку или резко сменил жизненный курс, кто-то разлюбил меня, наконец, но просто так совпало. Бывает, бывает, ничего”. По дневникам, – думал Дирк фон Зандов, – я мог бы проследить день за днем и выяснить, что, к примеру, 14 сентября 1994 года я прошел, как говорят военные летчики, точку невозврата. И даже понял бы, что где-нибудь в 1989 году катастрофа уже была близка, пули пробили крылья и фюзеляж, ветер враждебно свистел в ранах моего самолета, из бензобака текло, но еще была возможность вернуться на родной аэродром, спасти ситуацию! Доложить командиру эскадрильи, получить новый самолет и с новыми силами – вперед, на врага. Больше того, – растравлял себя Дирк фон Зан-

дов, – если точка невозврата была пройдена в 1994 году, это же еще не означает гибель летчика. Еще есть какое-то время, чтобы выпрыгнуть с парашютом из простреленной машины, пока она не взорвалась вместе со мной, но потом лесами, горами и озерами, ночуя в заброшенных охотничьих избушках, все-таки добрести до своих. Да пусть хоть в плен попасть к врагу, но все равно выжить. И дождаться либо победы наших, либо милости победителя – и в конце концов все равно оказаться дома. А я все летел и летел на дымящемся самолете до тех пор, пока не врезался в никому не ведомую каменистую гряду. Остался жив, но сил дойти назад уже нет. Жрать, извините, нечего. Потому что неприкосновенный запас – та самая шоколадка, пачка галет и фляжечка с коньяком из незабвенного ранца производства Ханса Якоб-сена – уже съеден. Нет его больше».

– Нет, – вслух сказал Дирк фон Зандов.

Сказал довольно громко, не боясь, что его услышат, поскольку от китайского ресторанчика он отошел уже шагов на тридцать и направился к отелю.

«Не буду я этим заниматься, потому что в этом нет никакого смысла. Ну что из того, если я сумею открыть эти маленькие секреты своего несчастья? Я ведь не смогу повернуть дело назад. Это ясно. А если, к примеру, дневники опубликовать, то вряд ли это кому-нибудь поможет».

– Книга-предостережение, – засмеялся Дирк фон Зандов. – Завлекательный заголовок – «Как просрать все, что

только можно, а также то, что просрать нельзя». Бестселлер! Перевод на сто языков!

«Боюсь, тут даже имя автора не поможет, – думал он дальше, – автора уже давно не помнят. А главное, жизнь каждого человека настолько уникальна, что рецептов краха, провала и самоуничтожения ровно столько, сколько и людей. Если не вдесятеро больше, потому что перед каждым человеком раскинут широкий спектр возможностей уничтожить свой успех, провалиться, проиграть, растратить, потерять, забыть – провалить все. И все эти способы, – Дирк фон Зандов погрозил пальцем неизвестно кому, – уникальны. Так что если населения на планете семь миллиардов, то перед нами семьдесят миллиардов способов… К тому же людям неинтересна история неудач. Им хочется историю успеха. И вот тут смешной парадокс – все истории неудач бессмысленны, потому что никого ничему не способны научить, а все истории успеха лживы. Да, заведомо лживы».

– Как же-с, читали! – засмеялся Дирк, проходя сквозь холл отеля и отворяя большие стеклянные двери к лестнице, ведущей к воде.

– Читали, как же-с! – повторил он еще громче и заметил краем глаза, что девушка на рецепции вскинула на него глаза.

«“Я пришел в этот город босиком. С тремя долларами в кармане, пришел и сразу понял, что здесь надо строить филиал автосборочного завода”, – сказал он уже про себя. –

Ха-ха-ха, расскажите это у камина своим маленьким внукам, которые будут заглядывать вам в глаза и делать восхищенно-сочувственные мордочки исключительно в расчете на наследство. Я глубоко уважаю господина Якобсена. Это выдающийся предприниматель, изобретатель, умница и, несмотря на свои миллиарды, хороший человек. Но давайте будем честны. Господин Якобсен – это “старые” деньги, это семья. Он хвастался, что они богачи, кажется, с семнадцатого века. Да даже если бы он был полной бездарностью или авантюристом, у него все равно все было бы в порядке. Он бы даже не сумел разориться как следует, – злобно думал Дирк, – разоряются дотла обычно “новые деньги”. Заработавшие их люди бывают жадные, наступательные, сначала у них все получается, они стремятся все выше и выше – и потом рушатся. История господина Крюгера – прекрасный пример».

Он сошел, почти сбежал по каменным ступенькам, двинулся по дорожке вдоль воды. Под ногами приятно хрустел крупный белый гравий. Не привозная морская галька, а специально наколотая каменная крошка среднего калибра, примерно в три четверти дюйма. Некоторые камешки были довольно острыми – это чувствовалось сквозь тонкую кожаную подошву. Дирк остановился, держась рукой за гранитный столбик ограды, приподнял и согнул ногу и посмотрел себе на подметку. Нет, все в порядке. А то, чего доброго, так побегаешь, а потом подметки в клочья. Он замедлил шаг и вернулся к каменной лестнице, стараясь шагать по краю до-

рожки, где был не гравий, а крепко прибитая земля.

Хорошо, рассуждал он, «старые деньги» – это «старые деньги». А со мной что не так? Неужели бывают «старые таланты»? Наверное, да. Есть люди из старых театральных семей. Там, где папа работал с Брехтом, дедушка со Стриндбергом, а прабабушка и вовсе была партнершей Элеоноры Дузе. Но нет, таких все-таки меньшинство. Взять того же Россиньоли, великого, божественного, недосягаемого. Сын счетовода и портнихи. Причем счетовода в какой-то крохотной рыболовной артели. А портниха и вовсе шила на дому, перешивала юбки для соседок. Работала на ручной швейной машинке, которую бабушке подарил немецкий офицер в уплату сами понимаете за что. Маэстро Россиньоли рассказывал об этом, надуваясь от гордости. Примерно так же, как некий худосочный юноша говорил Дирку на одном из бесчисленных приемов: «Мой предок погиб в битве при Леньяно на стороне Фридриха Барбароссы». Но Россиньоли хитрец, итальянец, сицилиец, южанин – Дирк чуть было не сказал «мафиозо». Нет, не только это. Есть у него какие-то навыки, умения, какое-то расположение души, которого я, очевидно, был напрочь лишен. Мой успех был случаен, мое ничтожество закономерно. Но неужели? – возразил он сам себе. – Получается, что в моей семье – ведь дети всё берут из семьи – уже была какая-то червоточина, была заранее заложена определенная невозможность?

– Не знаю, ничего не знаю, – громко сказал он и вдруг

вздрогнул.

Шагах в десяти на дорожке лежало что-то небольшое, квадратно-коричневое, с пуговкой, блестящей в лучах притуманенного солнца.

Дирк в пять длинных шагов подошел, едва ли не подбежал к этому предмету.

Увы, это был кусок сосновой коры, на которой сидел жук зеленоватого отлива. Не боясь ободрать ботинки, Дирк изо всех сил пнул этот слоистый квадрат, жук отлетел в сторону и, кажется, улетел, заработав крылышками, а деревяшка, описав полукруг в воздухе и перелетев ограждение из чугунной цепи, шлепнулась в воду и поплыла дурацким кривобоким корабликом, унося детскую мечту Дирка о найденном кошельке.

Он сел на скамейку и чуть не заплакал от стыда. Он вспомнил голодный послевоенный Фрайбург. Город был разбомблен весь. Англичане и американцы постарались. Весь, действительно весь. Горы щебня и кирпичной крошки, торчащие обгорелые стены и печные трубы, и посреди этого огромным зубцом – полуразрушенный кафедральный собор. Но жизнь потихоньку налаживалась. Тут и там появившиеся строительные фирмы бодро возводили домики на окраинах, а старинные улицы в центре восстанавливались потихоньку, но очень бережно. Тут и там копошились уцелевшие, открывались магазинчики, люди старались устроить хоть какой-то уют. Но жить было страшно голодно. Денег не хватало ни на

что. Продуктов по карточкам – тем более. Многие пытались заработать. Работали на стройках, разбирали завалы, подносили кирпич, вручную мешали бетон. Те, которым повезло больше, работали на оккупантов, они же освободители. Другие, и в их числе Дирк, слонялись по улицам в глупой надежде на чудо, на непонятное везение. Дирк много раз читал и слышал про мальчика, который нашел кошелек или мешочек с золотыми монетами. Он представлял, сколько этих монеток будет и как он ими распорядится. Что он купит себе, что матери. Что припрячет, а что отдаст в общий котел.

Кошелек, однако, не находился, да и не было ни у кого кошельков тогда во Фрайбурге. Скудные деньги люди держали во внутреннем кармане, застегнув на булавку. В июле сорок восьмого года прошла денежная реформа. Каждому позволялось обменять шестьдесят рейхсмарок на шестьдесят новеньких немецких марок. Плюс еще по шестьдесят из расчета один к одному позволяли обменять каждому работнику. Мать Дирка не работала по найму. А дальше меняй десять к одному, но у них таких денег не было. Дирк обо всем этом узнал гораздо позже, а тогда, в свои одиннадцать, он знал только, что денег нет.

Наверное, думал Дирк, толк вышел из тех, кто работал с раннего детства хоть на англосаксов, хоть на своих. А мечтатели были обречены. Мечтатели не о прекрасном и высоком, поправил сам себя Дирк, а именно что о мешочке с золотыми монетками, упавшем с неба. А вдруг точка невозврата была

пройдена еще тогда? И правы те, кто утверждают: все, что с нами случается или еще случится, на самом деле уже случилось в нашем детстве. Детство, да. Но с другой-то стороны, ребенок неподсуден! Разве можно всерьез обвинять ребенка в том, что он в свои десять или двенадцать лет мечтал о золотой монетке, то есть просто-напросто хотел есть?

Между тем есть хотелось все сильней и сильней. Дирк взял с собой два бутерброда, два больших, довольно толстых двойных бутерброда – один с сыром, другой с куриной колбасой. Он хотел их приберечь на вечер. Однако чувствовал, что справиться с собой не может. Но прежде чем пойти в номер и закусить, он все-таки решил дойти до ресторана у воды.

Ему на минуту намечталось, что официантом или метрдотелем в этом ресторане работает какой-то его друг. Друг детства, друг молодости или же метрдотель или шеф-повар, с которым он познакомился лет двадцать назад, во время какого-нибудь большого артистического банкета. Бывало и такое – он безо всякого высокомерия общался с такими людьми, принимал их комплименты, раздавал автографы, несколько раз даже заходил на кухню и фотографировался со всей невидимой командой ресторана. Кто знает? А вдруг вместо кошелька с деньгами он сейчас найдет старинного приятеля из поварского цеха?

Он подошел к ресторану, дернул дверь, сразу зазвенел колокольчик, навстречу ему с двух сторон пошли официант с

салфеткой в левой руке и книжечкой меню в правой и метрдотель в зеленом смокинге с золотыми пуговицами. На официанте тоже было что-то зеленое. Дирк понял, откуда ветер дует. Честертон! История о том, как патер Браун раскрыл кражу в «Клубе рыболовов». Он сам играл патера Брауна в спектакле по детективным новеллам Честертона. Совсем давно. Еще до «Смерти в Венеции».

– Добрый день, – поздоровался метрдотель.

– Садитесь вот здесь, у окна, – ласково сказал официант, протягивая меню.

– Нет-нет, простите, – отказался Дирк. – Мне через окно показалось, что я увидел знакомого. – И он вгляделся в метрдотеля, который и впрямь был похож почти на любого из продюсеров, дистрибьютеров или просто богатых людей из мира кино, с которыми он постоянно встречался предпоследние, скажем так, десять-пятнадцать лет.

Ему еще две секунды верилось, что метрдотель распахнет объятия и скажет: «Дирк, старина! Пароль *Швабентор!*» – намекнет, что они сто лет назад пили пиво во Фрайбурге у Швабских ворот и вообще чуть ли не школьные друзья. Либо учтиво поклонится и скажет: «О, господин фон Зандов, как рады мы вас видеть собственной персоной».

Но, увы-увы, официант и метрдотель улыбались корректно, приветливо, но совершенно равнодушно.

– Нет, простите, я обознался. – Дирк повернулся и вышел.

Колокольчик звякнул ему вслед.

Он вернулся в номер.

В чемодане была внутренняя сумочка, похожая на тот самый отдел в ранце имени Ханса Якобсена, о котором мы уже не раз вспоминали. Там в пластиковом пакетике лежали два прекрасных бутерброда. Дирк повертел головой, надеясь, что в номере, как это обычно бывает, есть электрический чайник, но чайника не было. Очевидно, отель был слишком роскошен для того, чтобы предположить, будто его постояльцы по вечерам станут пить чай, макая пакетики в кипяток и вытряхивая из длинных трубочек сахар. Ну, нет так нет. Он развернул бутерброды и начал медленно есть, запивая водой из тех в-подарок-от-отеля бутылочек с неизвестным французским названием – наверное, ужасно дорогой, хотя непонятно, чем она отличается от воды из-под крана. Бутылочки были маленькие – ноль тридцать три, одна без газа, вторая с газом. Он ел медленно, прожевывая каждый кусок тридцать два раза, как было велено в одной американской инструкции по здоровому питанию. Почему тридцать два? По количеству зубов? Он засмеялся, от смеха поперхнулся и довольно долго не мог откашляться. Кашлял так сильно, что даже испугался, что подавился по-настоящему. Пошел в ванную, выплюнул непрожеванный кусочек и долго кашлял, пытаясь стукнуть себя рукой по спине и с некоторым страхом глядя в зеркало на свое внезапно покрасневшее, покрытое испариной лицо с выпученными глазами. Ну вот, последний раз – кхе! – и, слава богу, отпустило. А по-

тому что нечего смеяться. Велено жевать тридцать два раза, вот и жуй, и не хихикай. Когда я ем, я глух и нем. Немного покружив по комнате, он снова сел на диван перед недоеденным бутербродом и недопитым стаканом воды и медленно, тщательно, стараясь не отвлекаться, дожевал бутерброд с колбасой. Бутерброд с сыром он хотел оставить на вечер. Но как-то так нечаянно получилось, что он откусил от него кусочек, потом второй и, вновь пережевывая свои печальные мысли о том, почему в его жизни вышло все так, как вышло, потихоньку съел и второй бутерброд, и даже сгрыз яблоко.

После еды захотелось прилечь.

Прямо в костюме лег на кровать поверх покрывала, подтянув под голову вторую подушку. Почесал себе живот, тут же встал, снял пиджак и сорочку, снял и брюки, чтобы не помять, лег снова. Почему-то вспомнил девочку на рецепции. Вот хорошо бы, если бы она вдруг сейчас оказалась рядом с ним. Нет, никакого секса, какой секс в его возрасте. Просто чтобы она легла рядом, можно даже не раздеваясь, вот как была, в форменной юбке и курточке, – кстати, он так и не посмотрел, что за имя у нее там написано на бейдже, – вот так, в юбке, в колготках и куртке легла бы рядом. Сначала бы полежала на спине, глядя в потолок, потом перевернулась набок, поглядела бы на него, подперев голову кулаком, он бы ей улыбнулся, а она бы положила головку на его плечо. Они бы тихонько поговорили или просто подремали. А может, она бы даже разделась. Не совсем, разумеется. Просто

сняла бы юбку, колготки и куртку с блузкой – чтобы не помять. Легла бы рядом. Он обнял бы ее за голенькое гладкое плечико, погладил по спине. Наверное, у нее ребрышки чувствуются. Она вообще вся такая стройная и худощавая.

Фу, неприличные стариковские мысли.

Лучше подумать о другом.

Например, задать себе простой вопрос: зачем он сюда приехал? Зачем он истратил, считай, половину своей пенсии, ну хорошо, не половину, а треть, не треть, а четверть, но уж не меньше. Четверть пенсии – это тоже деньги, в месяце четыре недели с хвостиком, значит, он истратил самое малое свое недельное про-житье. Зачем? Зачем, я вас спрашиваю? – спросил он сам себя. – Отвечайте, господин фон Зандов, лауреат премии «Оскар» за лучшую мужскую роль, игравший еще в пяти фильмах, правда, не таких знаменитых, а также заслуженный штатный актер Фрайбургского штадт-театра, а также гастролер в «Берлинер Ансамбль» и приглашенный актер как минимум в десяти лучших театрах Лондона и Нью-Йорка. Хотел было сказать: «Кого он только не играл», – Дирк думал о себе в третьем лице, но, если честно, так не особенно много кого. Брута в «Юлии Цезаре», Просперо в «Буре», один раз Стэнли Ковальски в «Трамвае “Желание”», но это как раз неудачно. Не было в нем злобной брутальности, которая нужна для этой роли, не похож он ни на Марлона Брандо, ни на Энтони Куинна. Он человек скорее субтильный и нервный, а не тупой и мощный. Даже стран-

но, что ему дали играть Брута, но это была какая-то особая интерпретация, кстати, успеха там не было тоже. Настоящий успех был в кино. Та самая, единственная роль – роль Ханса Якобсена в фильме Анджело Россиньоли «В последний раз».

Наверное, в названии фильма было что-то колдовское и вредоносное. Недаром, вдруг вспомнил Дирк фон Зандов, после этого фильма все его герои стали помаленечку умирать. Первым умер сам Ханс Якоб-сен. За ним Джейсон Маунтвернер, потом великий скрипач Менахем Либкин, потом его старинный враг, знаменитый русский режиссер, а там и все остальные.

* * *

Впрочем, это было естественно. Когда снимался фильм, Хансу Якобсену было ближе к восьмидесяти. И его друзьям-коллегам ненамного меньше, хотя великие кинозвезды обоего пола сильно молодились. Да только, как говорила Дирку фон Зандову королева парфюмерии и косметики, тоже снимавшаяся в фильме:

– Скажу вам по секрету, молодой человек. – Она смотрела ему прямо в глаза, почти неприлично приблизившись, так что он видел каждый волосок в ее бровях и каждую отдельно накрашенную ресницу на ее прекрасных тускло-голубых глазах, каждое тончайшее ребрышко ее чуть-чуть припухлых губ, каждый блик на безупречных фарфоровых зубах. – Скажу вам честно и откровенно, верьте мне и не верьте больше никому, и уж конечно, не верьте ни рекламе, ни косметологам, мой милый молодой друг… Средства от морщин нет! Вот нет, и все тут. Как нет средства от захода солнца.

– Ах, не может быть! – Дирк в притворном ужасе поднял брови.

Она засмеялась и вдруг легко обняла его и спросила:

– Я вам нравлюсь? Несмотря на то что сказала всю правду?

– Вы просто обворожительны. – Он, на всякий случай отступив на полшага, подхватил ее руку и прижал пальцы с идеальным маникюром и прекрасными кольцами к своим губам. – Вы просто прекрасны, мадам!

– Так за чем же дело стало? – усмехнулась она, взяла его за руку и повела к себе.

Он понял, что вырываться будет просто неприлично: в зале находились другие люди, и устраивать эдакий комический скандал – пожилая красавица тащит за руку тоже не слишком молодого актера, а он выдергивает руку и отбивается –

стыд и позор! – устраивать такую сцену было бы нелепо…

* * *

Но неужели можно всерьез верить в магию слов?

Неужели, если бы этот фильм назывался, скажем, «Перед рассветом», все было бы совсем по-другому? А ведь и правда, что стоило последним кадром снять бледный рассвет? Над этим то ли солоноватым озером, то ли пресным морем? Невероятная красота! Огромный «Гранд-отель» погружен во тьму, но вот начинает чуть-чуть светать. Мы видим сонные контуры его крыш, его колоннад, лестниц, променадов над водой, все окна погашены, некоторые распахнуты. Только что закончилась бурная ночная оргия. Столкновения умов, амбиций, капиталов, тел, красоты, старости, страсти, желаний, дряхлости, похоти, злобы, зависти, благодарности, ненависти, таланта, музыки – чего хотите. Все уснуло, чтобы проснуться вновь.

И вот, наконец, восходит солнце…

Так какого же хрена этот мерзкий жирный итальянец, пусть он подавится своими талантами, пусть на том свете черти раскаленными кочергами в задницу ему затолкают железные ящики с фильмами, которые он снял, вместе со всеми оскарами, золотыми львами и серебряными медведями, так какого же хрена он закончил этот фильм погружением «Гранд-отеля» во мрак? Гаснущими окнами, захлопываю-

щимися ставнями и луной? Отвратительной мертвящей луной, которая сделала «Гранд-отель», где только что бушевала страсть, кипела жизнь и играла музыка, похожим на мавзолей, на какую-то затерянную в лесах гробницу давно умершего царя давно разрушенного царства. Зачем? Может быть, маэстро Россиньоли уравновешивал свое жизнелюбие, отрабатывал свои сицилийские комплексы? Ну допустим, но мы-то тут при чем?

При чем тут я, Дирк фон Зандов, которому было немного за сорок, когда он вляпался в это мероприятие и подписал себе приговор на остаток жизни? Ведь я же сомневался, – думал Дирк фон Зандов. – Ведь я жил себе во Фрайбурге и играл Ашенбаха. У меня были планы. Я хотел съездить в Мюнхен, мне намекали на такую возможность. Быть может, когда-нибудь я сыграл бы и в кино, в хорошем европейском фильме. Меня бы снял какой-нибудь большой режиссер. Новая волна, Ален Рене, Жан-Люк Годар или кто-нибудь из новых реалистов: Михаэль Ханеке, например, или братья Дарденн. Отчего нет, ведь я же отличный актер. Не гений, ну и что? Зато я пластичен, как самая лучшая глина, из меня можно вылепить хоть Ашенбаха, хоть даже Ковальски, если постараться. Это режиссер был слабоват. Если вместо нашего Шмица ставил бы такой талант, как Элиа Казан, то я вполне бы сыграл не хуже Энтони Куинна. Я, между прочим, не люблю актерский театр, – говорил сам себе Дирк фон Зандов, – не люблю, когда актер тянет все на себя. Актер должен

умереть в режиссере. А режиссер, в свою очередь, в драматурге, поэтому, если мы ставим Шекспира, мы должны ставить Шекспира, если Чехова, то Чехова. Ибсена, Стриндберга, О'Нила, да кого хотите, хоть Беккета. Драматурга! А не беспомощные фантазии и комплексы постановщика.

Но я, кажется, отвлекся, – оборвал себя Дирк. – Здесь «Гранд-отель», а не семинар по философии режиссуры. Случалось мне и такие посещать. Здесь «Гранд-отель», и единственное, что я могу себе позволить в этой роскошной обстановке, это задать теперь уже второй вопрос. Поскольку вопрос первый – «зачем я сюда приехал?» – пока остается без ответа.

Но вот вам вопрос второй, который сам собой выскочил пару минут назад: неужели все дело в маэстро Россиньоли, а точнее говоря, в названии фильма и в его, как писала критика, гениальном, а в действительности, как я теперь понимаю, в его омерзительном финале? Полторы минуты, целых полторы минуты неподвижная камера общим планом снимала погруженный во тьму, едва освещенный луной «Гранд-отель». Целых полторы минуты, без музыки, без звука, без единого движения. Только травинки, колышущиеся на первом плане, показывали, что это съемка реального здания, а не его фотографии. После почти двух часов бушевания на экране эти полторы минуты молчания ударяли по нервам как обухом по голове. И вся критика, да и многие зрители из ценителей и знатоков были в полном восторге. В массовом

прокате эти хрестоматийные полторы минуты, разумеется, сократились до пятнадцати секунд, а на остальных секундах начинались титры, потому что, как рассказывали прокатчики, где-то секунд через десять люди начинали кашлять и пробираться к выходу, уже не обращая внимания на то, по чьему сценарию снимали фильм, кто в нем играл, кто рисовал, гримировал, освещал, возил, кормил и финансировал.

– Преступление! – сказал Дирк вон Зандов вслух. – Обыкновенное преступление против личности. Против чьей? Против моей. Я не обязан помирать, деградировать, впадать в маразм или в беспомощность вместе с этим старичьем. Зачем он это сделал со мной? Разве он не мог пригласить того же Энтони Куинна, как раз подходящего по возрасту? Да мало ли прекрасных стариков в Европе и Америке! А также, наверное, в России. Которые отлично бы сыграли прощание Ханса Якобсена с жизнью и друзьями и для которых этот фильм стал бы поистине «последним разом» – блестящим, триумфальным, великолепным, справедливым последним разом, который увенчал бы их актерскую карьеру.

– Зачем он меня погубил, сука? – злобно подумал Дирк фон Зандов. – А может, большие художники всегда такие… – Его мысль откачнулась в другую сторону. – Большие художники думают только об искусстве, а не о судьбе своих натурщиков. К примеру, какой-то древний собиратель слухов и басен рассказывает про великого греческого художника Апеллеса, что тот, дескать, чтобы как можно более нату-

рально изобразить умирающего человека, прибил своего раба гвоздями к доскам. Ждал, покуда тот совсем уже почти издохнет, а когда началась агония, сел рядом со своим мольбертом, или что у них там в Древней Греции было, на чем они тогда рисовали, – сел рядом и стал зарисовывать его лицо в предсмертной муке. Ну не мерзавец? Подонок, мразь. Попадись он в руки современным правозащитникам! – ехидно думал Дирк фон Зандов. – Но мир создан не для правозащитников и вообще не для тех, кто льет слезы по страданиям малых, жалких и бесправных. Мы все равно помним Апеллеса, а эту историю забыли. И потуги того древнегреческого жреца справедливости, который предал эту историю гласности, ни к чему не привели. Есть художник, во славе своей, и есть модель – пусть она сдохнет. Ну или черт с ней, пусть живет, если повезет, но только чтоб не путалась под ногами.

– Значит, виноват не Россиньоли, виноват не сценарист, виноват даже не Якобсен, хотя не исключено, что именно он хотел придать фильму такое траурное и безнадежное завершение, но это неважно! Виновато искусство как таковое, как в гибели Германии в сорок пятом году виноват не Гитлер со своими нацистами и не Черчилль со своим другом Сталиным, а виновата история, потому что в истории всегда есть победитель, всегда есть побежденный, как в армии есть генерал и есть солдат. И генерала, который попадает в плен, даже если за ним числится пальба из всех стволов по мирному городу, все равно в плену будут держать в отдельной

комнате, кормить теплой пищей, водить в баню. Еще и денщика назначат.

– Кто же тут я? – воскликнул Дирк фон Зандов. – Я же не просто натурщик, я же играл. Можно сколько угодно фантазировать, что кто-то мог бы сыграть не хуже меня. Если бы да кабы, но сыграл-то все-таки я, и мне американские академики вручили золотую статуэтку. Выходит, я тоже что-то стою.

– А что, если все дело действительно в названии? – беспомощно подумал Дирк фон Зандов, вскочил с постели и, не в силах больше оставаться один, побежал в ванную, умылся холодной водой, быстро оделся и выбежал наружу. Быстрыми шагами вошел в холл, огляделся. Было всего без пятнадцати четыре.

Девушка все так же сидела за стойкой, читая английскую книгу.

Дирк подошел к ней и поинтересовался названием. В тот раз, часа два назад, он так и не спросил, что за книгу она читает.

– Вы будете смеяться. «Мидлмарч». Джордж Элиот.

– Ого, – сказал Дирк.

– А вы знаете? – обрадовалась она.

– Я довольно начитанный старик. Ну или не совсем старик, как вам кажется?

– Джентльмен. – Она, пожалуй, первый раз улыбнулась.

У него прямо сердце растаяло.

– А скажите, зачем вам такая старина, такой нафталин?

– Ну, во-первых, это прекрасный роман. Англичане его ценят. Для них это почти как для русских «Анна Каренина». Читали?

– Конечно, – сказал Дирк. – Не только читал, но даже и играл. Как вы думаете, кого?

– Каренина? – спросила она. – Алексея Каренина? Мужа Анны?

Дирк расхохотался:

– Представьте себе, Вронского! Но это было, если не соврать, полвека назад.

Она не подхватила эту тему. Наверное, обидчиво подумал Дирк, приняла его за актера-любителя, за какого-нибудь предпринимателя или менеджера, который рассказывает, как в молодости в гимназии или университете они поставили спектакль по знаменитому русскому роману.

– А во-вторых, – продолжила она, – здесь хороший язык, настоящий «бритиш», неразменное золото английского языка.

– Как вы красиво говорите, – всплеснул руками Дирк. – И что вы с этим золотом намереваетесь делать?

– Пока не знаю, – вздохнула девушка. – Допустим, я окажусь в Англии или в Соединенных Штатах. Люди оценят, даже американцы. Это все равно очень хороший язык. Лучше говорить немножечко старомодно, но безупречно правильно, чем ляпать ошибки на современном жаргоне.

– Какая вы умная! – воскликнул Дирк. – Просто сплош-

ное удовольствие слушать. Да, простите, ради бога, а как вас зовут? Про меня-то вы все знаете, я – Дирк фон Зандов…

– И в-третьих, – сказала она, – я когда-то была студенткой филологического факультета, все это я когда-то проходила, слушала лекции, занималась в семинарах у серьезных профессоров.

– Вы окончили университет? – спросил Дирк. – Вот это да, дорогая… так как же вас зовут?

– Здесь написано, – неожиданно неприязненно сказала она и чуть-чуть пошевелила плечом, чтобы он увидел бейджик с именем «Лена».

– Лена! Какое прекрасное имя. Помните Лену Ню-ман? Знаменитый фильм «Я любопытна».

– Нет, – ответила она, – извините, не помню. А университет я не окончила. Мой папа был бизнесмен в русском городе Ярославле. Потом папу стали прессовать.

– Простите? – не понял он.

– Долгая история. – Лена нахмурилась. – А в конце концов убили. И маму тоже. Их двоих убили, взорвали в машине. Отняли квартиру и загородный дом. Я переехала к тете, а у нее совсем не было денег. Я не была балованной девочкой; когда я маленькая была, мы бедно жили, и я помню, как мама с папой карабкались. А потом лет пять мы жили хорошо. Большая квартира, две машины, денег сколько хочешь. Ну сколько можно захотеть в Ярославле? Не так уж много, но для меня это было «сколько хочешь». Старшие классы и

университет. Я была просто маленькая королева. Одета лучше всех. Угощала друзей, водила в кафе. А потом раз, и все. Маму с папой по кусочкам собрали, в два гроба положили. Прихожу домой, двери заперты, чужой дядя говорит: «Иди, девочка, быстрее вон отсюда, ну бегом давай, и скажи спасибо, что не изнасилуем, мы сегодня устали…» Я к тете, у тети денег нет. Работать надо, но я уже привыкла, уже знала, как люди хорошо живут, поэтому удрала сюда.

– Но позвольте, – удивился Дирк, – удрать сюда не так-то просто. Многие люди со всего мира пытаются получить здесь беженство, вид на жительство, но у них как-то не особенно получается.

– А мне было несложно. – Она посмотрела ему прямо в глаза. – Я хитрая. У меня папа с мамой состояли в партии «Союз правых сил».

– Боже, – сказал Дирк, – я, конечно, вам очень сочувствую в связи с гибелью ваших родителей, но что, они были нацисты?

Лена грустно улыбнулась:

– Вы знаете, здесь все так считают, но они были не нацисты, а наоборот. Это была партия тех людей, которые делали русские реформы. Гайдар, Ельцин, Чубайс… Может, слышали?

– Нет. Но почему правые? Ведь правые – это «Зиг хайль» или какие-то очень неприятные люди, если и не нацисты.

– В России все наоборот, – объяснила Лена. – Наши «пра-

вые силы» – это все равно что ваши… даже не знаю кто. В общем, которые за демократию и рыночную экономику. Равенство перед законом и все такое.

– С ума сойти, – сказал Дирк. – Ну и что?

– А то, что мой папа был в правлении местной партийной организации. Вот этой самой партии «Союз правых сил», которые за реформу, за демократию и рынок. И мама тоже. Мама была вовсе зампредседателя местной организации.

– Ага, – кивнул Дирк, – кажется, я догадался.

– Вы правильно догадались, – сказала Лена. – Но я не постесняюсь сказать вслух. Да, я попросила политического убежища, я стою на очереди как политический беженец, ведь никто не знает, за что убили папу и маму. То ли за бизнес. А то ли за политику. Или за то и другое вместе. В России всё вот так. – Она сцепила обе руки в крепкий замок, так что пальцы побелели, помотала в воздухе и сделала вид, что не может их расцепить.

Глава 4. Начало пятого. Лена

– У нас, по-моему, то же самое, – сказал он. – Разве что не так ярко. И слава богу, без крови. Еще раз примите мои самые искренние соболезнования.

– Спасибо, – кивнула она.

– Все переплетено и запутано. Возьмем, к примеру, меня. Вот вы, например, знаете, кто я такой? – Он чуть-чуть придвинулся к ней и прищурил левый глаз. – Ну вот как вы думаете, кто такой этот немолодой мужчина? Точнее, пожилой мужчина? Ну хорошо, давайте скажем откровенно – кто такой этот старичок?

Она покосилась в свою тетрадку.

– Господин Дирк фон Зандов.

– Ну да, да, да, – засмеялся Дирк. – Получается, мадемуазель, или мисс, или фрекен Лена, как вам больше нравится, но для меня уже не только Лена, что я про вас знаю гораздо больше, чем вы про меня. Вы из России. Стараетесь получить политическое убежище. Пока у вас временный вид, паспорта еще нет. Учились, недоучились, жили сначала в бедности, потом в богатстве. После ужасной трагедии приехали сюда. Целый роман можно написать. Или даже сценарий для фильма, в этом я кое-что понимаю. А кто такой я? Неужели вам не интересно?

Конечно, ей не было интересно.

Было видно по ее лицу, что в голове у нее мечутся две мысли. Правильнее всего было бы спокойно и корректно сказать: «Извините, но я на работе. Я не имею права интересоваться личной жизнью наших постояльцев». Однако у них ведь «гуманный менеджмент», и специальностью данного отеля и всей сети отелей, к которой теперь принадлежала эта гостиница, было особенное, внимательное, человечное отношение к клиентам. Служащих так инструктировали – не бойтесь вступать в разговор, не бойтесь даже задать вопрос, когда видите, что клиент хочет, чтобы его о чем-либо порасспросили. Особенно если клиент – человек одинокий и старый. Таковы наши принципы! Такова наша миссия! (Дирк вычитал это в рекламном проспекте «Гранд-отеля», когда заказывал номер.) Вероятно, именно поэтому она и выложила ему разные подробности о своей жизни. Но в глубине-то души, конечно, он был ей ни капельки не интересен. Престарелый болтун, которому делать нечего. Успел наболтать что-то на грани пристойности про ее ягодицы, а сейчас ишь как на грудь пялится. Увы, милый дедушка, вы мне абсолютно не интересны. Но, чуть подумав, она сказала:

– Конечно, господин фон Зандов, мне очень интересно. Вероятно, вы прожили большую, сложную и богатую событиями жизнь.

– Вы говорите как по писаному, – прервал ее Дирк, чуть-чуть обидевшись.

Да, она говорила как по писаному – по инструкции, реко-

мендующей манеру разговора с пожилыми одинокими клиентами, которые нуждаются в дружеском участии.

– Ну что вы, господин фон Зандов! – Она даже руками всплеснула. – Зачем же вы так? Я очень хотела бы узнать о вас побольше! Я вижу, что вы интересный человек.

Она улыбнулась насколько могла естественно и искренне.

– Простите, если оскорбил вас недоверием, – хмыкнул Дирк. – Сейчас, одну минуточку.

Он огляделся, почему-то ему казалось, что буклет о фильме «В последний раз» должен лежать где-то поблизости, на большом журнальном столе. Да, кажется, вот он.

– Минуточку, – повторил Дирк.

Подошел к этому столу. Там было несколько буклетов. Один о визите королевской четы, другой – об истории отеля. Третий о французском архитекторе. Четвертый о ловле лосося в окрестных озерах. Буклета про фильм не было.

– Черт! Сейчас, уважаемая Лена, сейчас, буквально одну минуточку. Вы можете минутку подождать?

– Да, – ответила она. – Большая группа гостей начнет прибывать в пять часов. А сейчас, – и она улыбнулась еще искреннее и лучезарнее, – сейчас мне почти нечего делать. Я жду вас.

Дирк быстрым шагом поднялся на второй этаж, дошел по коридору до своего номера, нажал дверную ручку. Дверь не открывалась, он охлопал карманы, ключа не было. Вот черт! Наверное, он его забыл на столике или где-нибудь уронил и

потерял. Да какая разница, собственно? Он пошел обратно.

– Мадемуазель, – заговорил он, – ради бога извините, старость – не радость. Склероз, маразм и все такое. Ключ. Я захлопнул дверь. Кажется, я забыл ключ внутри номера.

– Минутку, – сказала Лена.

Взяла из выдвижного ящика большой универсальный ключ на широком красном ремешке и пошла по направлению к номеру. Он поспешил за ней. Щелк – и дверь открылась. Ключ лежал на гостином столике.

– Вот! – обрадовался Дирк. – Я уж боялся, что обронил где-то. А просто забыл.

Лена повернулась уходить.

– Постойте, – чуть ли не закричал Дирк. – Зайдите ко мне на минуточку. Не бойтесь. Я, во-первых, хорошо воспитан, а во-вторых, довольно стар. А хотите, оставьте дверь открытой.

– Бог с вами, – проговорила Лена, войдя в комнату и захлопнув за собой дверь. – Я вообще ничего не боюсь. Не боюсь ничего, никого и никогда. Кроме того, у меня зеленый пояс по боевому карате. Еще в России получила, а здесь подтвердила. Регулярно хожу на тренировки. Что вы хотели мне рассказать?

– Сначала садитесь. Вот на диван, пожалуйста.

Раздался мягкий стук в окно. Дирк обернулся. Птица села на подоконник, небольшая, меньше голубя, с желтым клювом и светлыми пятнышками.

– Смотрите, дрозд! – сказал он.

– Где?

– Да вот, вот…

– Это скворец, – сказала Лена.

– Точно?

– Клянусь! – засмеялась она. – Сто процентов! Не сойти мне с этого места.

Скворец вспорхнул и улетел.

– К сожалению, мне нечем вас угостить… – извинился Дирк.

– Что вы! – перебила его Лена. – О чем вы говорите!

– И, к сожалению, у вас в номерах нет электрочайников.

– Чего нет, того нет, – согласилась Лена, усаживаясь на диван.

– Вот, глядите! – Дирк, внутренне торжествуя, протянул ей буклет со своим портретом на обложке. Правда, на портрете он был изображен в роли, то есть в гриме. Практически сорокалетний мужчина, загримированный под семидесятисемилетнего старика. Причем под другого старика. Одним словом, постаревший Дирк фон Зандов, тот, что сейчас стоял перед ней, покачиваясь с каблука на носок, и старик, которого он играл в фильме, – это были два совершенно разных старика.

– Да, – сказала Лена, – да. Я слышала краем уха, что здесь снимался какой-то старый знаменитый фильм.

– И вы даже не поинтересовались? – удивился Дирк. – Да,

и еще… Неужели вас не обязывают читать все информационные буклеты?

– Нет, – сказала она. – Мы ведь не экскурсоводы. А кроме того, если совсем честно, я не люблю кино.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Дирк. – А я почему-то думал, что молодежь без ума от кино.

– Я ни от чего не без ума, – сказала Лена. – Я больше люблю книги. Живопись, впрочем, тоже. Музыку. А вот кино как-то не особенно. Как-то не сложилось.

– В этом фильме главную роль играл я, – закричал он. – Это я на этой обложке, видите. Откройте, полистайте. Видите, моя фамилия? В главной роли, в роли миллиардера Якобсена, – Дирк фон Зандов. Этот фильм получил массу призов. Я шел по красной дорожке в Каннах. Я выходил на сцену получать золотую статуэтку «Оскара». Это я, я, понимаете. Я!

Лена несколько раз перевела глаза с живого Дирка на его портрет на обложке и обратно, как будто бы сравнивала, сличала. Брови, глаза, губы, крылья носа.

– Как интересно, – негромко сказала она. – Я вам верю. Это правда очень любопытно.

– Вы меня слышите? Сколько призов… Это был замечательный фильм. Это был великолепный фильм, гениальный фильм. В нем снимались не только звезды кино, но и звезды жизни. Они играли сами себя! Великие музыканты, миллионеры, художники. Кажется, даже один фельдмаршал. Или адмирал, но это почти одно и то же. Был потрясающий успех.

– Как интересно, – повторила она. – Но, наверное, у нас он не шел.

– Что вы! – воскликнул Дирк. – Я не знаю, как насчет широкого проката, но фильм получил специальный большой приз Московского международного фестиваля. Я был в Москве. Это было в 1983 году. Господин Брежнев уже умер.

– Меня тогда еще на свете не было, – сказала Лена. – Если бы я могла ходить в кино на взрослые фильмы в 1983 году, то мне, сами считайте, сколько было бы сейчас.

– Да, да, вы правы. А сколько вам лет? Ах, извините, молодым дамам нельзя задавать такие вопросы.

– Молодым как раз можно, – улыбнулась Лена. – Я вот именно что тысяча девятьсот восемьдесят третьего года.

– Как странно, – проговорил Дирк, садясь в кресло напротив нее. – Позволю себе быть совсем откровенным. Я думал, что это признание произведет на вас впечатление. Что вы не просто громко скажете «ах, ах», но это «ах» будет идти из глубины вашего сердца. Действительно, встретить старого, не очень хорошо одетого человека…

– Да вы прекрасно одеты, – подала голос Лена.

– Не перебивайте, пожалуйста, – сказал Дирк. – Увидеть потертого старика и узнать, что это он исполнял главную роль в одном из самых знаменитых фильмов последней четверти двадцатого века. Увидеть настоящую кинозвезду. Звезду Голливуда! – засмеялся он и поднял палец.

– При чем тут Голливуд? – спросила она. – Это же, кажет-

ся, здесь снимали?

– Господин Якобсен очень хитрый человек. Выдающийся бизнесмен. Он мечтал, чтобы его фильм получил «Оскара». Но на «Оскар» номинируются только американские фильмы, за маленьким исключением. «Лучший иностранный фильм года». Но, сами понимаете, там огромная толчея, и в этом призе нет ничего особенного. Его, как правило, дают по политическим соображениям. Снимет какой-нибудь, извините за выражение, азиат какую-нибудь прогрессивную чепуховину. И пожалуйста, кушайте на здоровье, лучший иностранный фильм года о несчастных работницах ткацкой фабрики в Бангладеш. Поэтому господин Якобсен устроил так, что этот фильм снимался на «Парамаунте». Вернее сказать, снимался под вывеской «Парама-унта». Потому что все с первого до последнего кадра было снято здесь. Здесь! – Он постучал ногой по полу. – Господин Якобсен рассказал мне, что так сильно хотел снять этот фильм и пропихнуть его на «Оскар», что был готов купить или даже построить киностудию в Голливуде. Видя его такое упрямство, один из боссов «Парамаунта» согласился наклеить на этот фильм, грубо говоря, свой лейбл. Ну и правильно провести все по документам. Сделать как надо, чтобы фильм был не придерешься американским. В результате это чуть было не стоило нам больших проблем на Берлинском фестивале и на Венецианском тоже. «Голливуд, – кричали они, – зачем нам Голливуд! Американцы затирают, даешь старушку Европу!» Но госпо-

дин Якобсен через своих агентов и журналистов сумел объяснить народу, что это на самом-то деле глубоко европейский фильм, снятый на европейские деньги, и режиссер тоже европейский. Да еще какой! Сам Анджело Россиньоли! Вы хоть видели «Фонтаны Треви»? «Страну детей»? – Лена помотала головой. – А «Репортаж»? И даже «Аллею»? О господи, твоя воля… Россиньоли сейчас в гробу вертится, наверное. Ну ладно. Не сердитесь. О чем мы с вами?

– О том, что фильм то ли американский, то ли нет, – сказала Лена.

«Внимательная!» – подумал Дирк.

– Именно! – сказал он. – В общем, Якобсен объяснил, что фильм со всех сторон европейский, а американский он так, из финансово-технических соображений. Якобсен страшный человек. В самом лучшем смысле страшный! – Дирк засмеялся. – Есть такая старинная пословица – цыган обманет румына, еврей обманет цыгана, а где грек прошел, еврею делать нечего. Так вот, доложу я вам, дорогая Лена, когда идет господин Якобсен – греки разбегаются. Просто выжженная земля. Обштопает всех.

– Все это очень интересно, – сказала Лена тоном не то чтобы заученным, но скорее вежливым, чем по-настоящему заинтересованным.

– И вот вам моя жизнь, – продолжал Дирк. – Сначала неплохой театральный актер, потом такой блестящий, потрясающий кинодебют, следом несколько более или менее хоро-

ших ролей в кино и театре, а затем пенсия и маленькая социальная квартирка в приличном, но очень скромном районе. Я ведь немец, и мне стыдно возвращаться домой. Особенно в родной город, во Фрайбург. Правда, позже я немного играл в Берлине, ну, неважно. В Германии люди долго живут. Не знаю, почему так получилось, но немцы страшно живучие твари. Смотришь, бывало, кинохронику, ну или телевизор, обязательно ресторанчик, пивная и обязательно сидит этакая живая мумия лет девяноста восьми в компании эдаких молоденьких зомби, лет по восемьдесят девять, и все пьют пиво и дымят сигаретками. Вы знаете, ужасный народ эти немцы!

– Знаем, знаем, – сказала Лена. – У меня один прадедушка под Москвой погиб, а другой в Маутхаузене.

– Хотите, чтобы я перед вами персонально покаялся? – осведомился Дирк. – Извольте. На колени встать или как?

– Что вы такое говорите! – Лена развела руками. – Все давно прошло, все давно забыто, все давно искуплено. Тем более вам-то сколько в войну было?

– Шесть, – сказал Дирк. – В середине. А в конце, соответственно, девять. А начала я не помню.

– А я вообще про войну только по рассказам, – сказала Лена. – И по книжкам.

– Хорошо, – вздохнул Дирк. – Ценю ваше великодушие. Великодушие победителей, ха-ха. Так вот, дорогая Лена, эти проклятые, живучие немцы, я имею в виду конкретных ак-

теров и режиссеров нашего штадттеатра, да и не только его, многие, Лена, многие мои коллеги прекрасно меня помнят. Когда во Фрайбург приехал Россиньоли смотреть меня на сцене, а потом увозить меня с собой, это был шум-тарарам и всеобщее потрясение. Скандал! Все всплескивали руками и мне ужасно завидовали. Говорили прямо и откровенно: «Как я тебе завидую, Дирк! За что тебе такое счастье привалило?» А я нет бы сказать: «Фортуна, везение, сам не знаю за что, постараюсь быть достойным своей удачи», а я вместо этого отвечал, задравши нос: «А потому что играл хорошо, роли учил, репетировать не ленился». Обижал то есть своих коллег. Вы, мол, бездарные лентяи. Вот вас и не взял Анджело Россиньоли на главную роль. Глупости говорил. И они все живы, Лена.

– Ну и что? – сказала она. – Да они все забыли всё давным-давно! Сколько же лет прошло.

– Да мне самому перед собой стыдно, – признался Дирк. – Они, допустим, забыли, да я помню. Представьте себе. Вот вернулся бы я, и меня все стали бы спрашивать: «Ну как, как успехи, какие роли?» А сказать-то и нечего. Поэтому с помощью господина Якоб-сена я остался жить здесь. Прямо как вы. Сначала по рабочей визе, затем по виду на жительство, а потом, так сказать, за особые заслуги перед нацией получил паспорт. Ну а раз паспорт, то и все остальное – пенсию, социальную квартирку…

Его голос становился все тише и тише.

Казалось, он сейчас задремлет.

Вдруг он встряхнул головой, выпрямился в кресле и неожиданно для самого себя стал говорить уже какие-то полные глупости.

– Лена, – горячо бормотал он, – я странные вещи говорю, но вы ведь русская, да? А русские, у них такая душа, особенно широкая, глубокая, добрая, не знаю какая, ни у кого нет такой души, спасительная душа, милосердная. Лена, спасите меня, помогите мне. Вы меня слышите? Вы слышите меня или нет, я вас спрашиваю? Спасите меня от моих неуютных мыслей, от воспоминаний о неудачной жизни, от моей глупости, от страха смерти, от одиночества, от того, что я сам не понимаю, что происходит с людьми и, главное, со мной. Вы очень умная, вы очень сильная, и, кроме того, вы русская, у вас должна быть какая-то особенная душа. Спасите меня, вам зачтется на небесах. Вы верите в Бога?

– Верю, – ответила она. – Но только немножко. Я вам очень сочувствую, господин фон Зандов. Я понимаю, вернее, я стараюсь понять ваши проблемы. И могу сказать только одно – не отчаивайтесь. Не отчаивайтесь! – повторила она и улыбнулась.

Встала с дивана и пошла к двери.

– И это все? – спросил он, не поднимаясь с кресла.

Лена замолчала и, очевидно, собрала в кучу все инструкции и тренинги, которые проходила перед тем, как поступить сюда на работу, собрала в своей памяти все, чему ее учили в

смысле гуманного и сочувственного отношения к клиентам, и сказала улыбчиво, но твердо:

– Но вы же сами прекрасно понимаете, господин фон Зандов, что я никак не могу лично вам помочь. Особенно в том смысле, о котором вы говорите…

– А в каком смысле я говорю? – Он пытался быть ироничным.

Лена помолчала и очень выразительно добавила:

– Даже если бы между нами не было столь большой разницы в возрасте. Даже если бы мне было, ну, например, тридцать пять, а вам сорок три. Никак! Всего вам доброго.

– А если бы мы были совсем ровесники? И нам было бы всего по двадцать лет? Даже меньше, чем вам сейчас?

Она молча повернулась и вышла, аккуратно прищелкнув дверь.

– Конечно, никак, – громко сказал Дирк, сидя в кресле. – Эх, – продолжал он уже шепотом. – Надо бы догнать девушку и извиниться. Но зачем? Она на работе, а работа – это труд. От слова «трудно». Да я ее ничем и не обидел. Никаких скользких намеков, рискованных предложений, я не подходил к ней ближе чем на два метра, это тоже надо учесть! – Он засмеялся. – Конечно, никак, – повторил он. – Я бедный старик, она бедная девушка, зачем мы друг другу? Вот если бы было ей лет семьдесят и такое же одиночество, как у меня, тогда, наверное, другое дело. Мы смогли бы нежно подпереть друг друга. Или был бы я не бедный старик, а кто-

то вроде Якобсена. Даже в одну десятую, да что там в десятую, в одну сотую Якобсена! Сильно опасаюсь, что она по-другому бы заговорила. А и в самом деле: к юной гостиничной администраторше, к иммигрантке, которая стоит в очереди на политическое убежище, вдруг эдак подкатывается престарелый миллионер и говорит: «Ах, деточка, я так одинок, спасите меня от страха смерти». Ха-ха, она бы тут же побежала его спасать, забежав на полминуты в душ, разумеется. Фу, какой же я все-таки пошляк! – засмеялся Дирк фон Зандов. – Настоящий, можно сказать, мерзавец и циник. Нет, нет, – продолжил он. – Не мерзавец я и не циник, ни капельки. Вот если бы я на самом деле был мерзавцем и циником, я бы притворился перед этой девочкой, выставился бы перед ней либо безумно популярной знаменитостью, либо путешествующим немецким богачом. Вид у меня, правда, не очень богатый, но я же умею играть. Я бы что-нибудь придумал и изобразил и посмотрел бы, как она радостно запрыгает после такого предложения. Не все потеряно, – сам с собою шутил Дирк, – у нее окончится смена, скажем, в шесть вечера, на ее место заступит другая такая же, и вот перед ней-то я и распущу павлиний хвост, обману бедную девочку. Да нет, – осек он сам себя, – во-первых, ничего не выйдет, а во-вторых, – польстил он сам себе, – ты слишком хорош, бедняга Дирк фон Зандов, ты слишком благороден, искренен и добр, и ты не станешь обманом соблазнять бедную гостиничную служанку. Вот именно поэтому, – самовлюблен-

но подумал Дирк, – вот именно по этой причине со мной все и случилось. Слишком я был добр и благороден. Не сумел как следует использовать все жизненные шансы. Да, в смешное лото играю я сам с собою. Смешное лего складываю. А вот если бы мне на самом деле было сорок два, сорок три, сорок пять, то тут уж точно ничего не вышло бы, потому что в этом возрасте у меня как раз все было успешно и весело, и я бы, конечно, и не посмотрел в сторону девочки на рецепции. Ну разве что она была бы каких-то совершенно невероятных форм и статей, какой-то особо упоительной красоты. Так что нет во мне никакого благородства и никакой доброты, – завершил он эту речь, обращенную к самому себе.

Встал с кресла, посмотрел на часы. Было всего половина пятого. Как странно. Казалось, он так долго с ней разговаривал, а прошло всего около пятнадцати минут. Что ж поделаешь, время бежит переменчивым аллюром, но, к сожалению, чаще всего оно течет быстрее, чем нам хотелось бы. Надо пойти пройтись. На этот раз он не забыл положить ключ в карман пиджака и вышел. Проходя мимо рецепции, он наткнулся на взгляд Лены. Остановился, поклонился ей и все-таки спросил:

– Надеюсь, вы на меня не сердитесь?

– Что вы, что вы. – И она снова опустила глаза в книгу.

Он прошелся по коридору, ведущему в большой зал с книгами. В тот зал, на который часа полтора назад глядел с балюстрады второго этажа. Из смежной с залом бильярдной

доносилось цоканье шаров: там играли давешние мальчик и девочка. Собственно, они не играли настоящую партию в бильярд, просто катали шары по зеленому суконному полю. Причем даже не киями – наверно, еще не умели, – катали вручную. Девочка ставила шарик около лузы, а мальчик, сгребя к себе пять или шесть шаров, пытался попасть в него и пропихнуть в узкий вход, засаленный годами игр. Но попасть по шарику ему было трудно. Шары беспорядочно катались по столу, они сталкивались с чудесным костяным цоканьем, девочка смеялась, тоже брала шары и запускала их во всех направлениях. Дети были абсолютно счастливы. «Интересно, – подумал Дирк, – они с родителями приехали? Или это дети какого-то менеджера или повара?» Он попытался угадать это по их одежде, но понял, что у него ничего не получится. Вот в его время по одежде было видно, к какому классу принадлежит ребенок. А сейчас у всех одинаково – кроссовки, шортики и футболка. Наверное, это правильно.

Дирк прошел в библиотеку, уселся на тяжелый диван – там по всему периметру были расставлены низкие столы из темного дерева, ближе к полкам, и к ним придвинуты по два тяжеленных кожаных кресла. Этот запах – запах дорогой мебельной кожи, книжных переплетов и старого дерева – Дирк помнил еще по съемкам фильма. Он повернул голову, пригнулся и уткнулся носом в кожаный подголовный валик. Да, запах был почти такой же, как тогда. Наверное, старая кожа никогда не выветривается. Он посмотрел на книжные пол-

ки. Выдернул одну из книг. Это было занудное описание путешествия по Африке с гравюрами, изображающими чернокожих губастых людей и какую-то растительность с латинскими наименованиями. Хотел было поставить на место, но небрежно пролистал и вдруг увидел фотографию.

Фотография была довольно старая, довоенная.

Берег моря, пляжный павильон вдали, а на первом плане мальчик и девочка. До полного невероятия похожие на тех ребятишек, которые сейчас продолжали играть в бильярд за стеклянными дверьми.

Правда, судя по форме павильона, шляпке на голове девочки и матроске, в которую был одет мальчик, снято было году в 1920-м, а то и раньше. «Но раньше вряд ли, – подумал Дирк. – Раньше была Первая мировая война». Но тут же вспомнил, что эта страна в ней не принимала участия. Пока Европа воевала, здесь вовсю наслаждались нейтралитетом и могли себе позволить беззаботно возить детей к морю и наряжать их в матроски и шляпки с ленточками.

Раздался веселый топот детских ног. Брат и сестра влетели в библиотеку. Дирк слегка вжался в кресло, но они его не заметили, плюхнулись вдвоем в одно кресло по диагонали от него. Девочка обняла мальчика и громко поцеловала в щеку.

– Сигрид, – запротестовал мальчик, – ты чего чмокаешься?

Девочка обняла его сильнее и поцеловала еще раза три. Он отбивался, а она громко заявила:

– Ханс, я люблю тебя!

– Ты что? – сказал мальчик.

– А то! – сказала девочка.

– Сестра не имеет права любить брата, сестра не должна любить брата, – наставительно произнес мальчик.

– А мама говорит, что должна!

– Мама говорит в другом смысле. А вот любить в смысле целоваться и говорить «я тебя люблю» – нельзя. Это запрещено.

– Подумаешь, – хмыкнула девочка. – Чепуха какая!

– Запрещено, сказано тебе! – повторил мальчик и высвободился из ее объятий.

Девочка спрыгнула с кресла, обежала его вокруг, стала сзади, схватила мальчика за уши и громко, на весь зал зашептала:

– А мы по секрету, а мы по секрету, а мы никому не скажем!

Дирк еще раз посмотрел на фотографию. Он готов был поклясться, что это те же самые мальчик и девочка. Хотя, конечно, так не бывает. Он перевернул фотографию, надеясь, что на обратной стороне будет что-то написано, станет что-то понятнее, но там не было ничего, кроме цифр 1914. Год? Номер фотографии в альбоме? Дирк снова перевернул фотографию и увидел, что девочка в шляпке с лентами в смешных сандаликах – вылитая администраторша Лена, с которой он только что разговаривал. Он помотал головой. Наверное,

у него это от старости, или от голода, или от злости на самого себя за то, что так глупо разговорился с девчонкой. Но на всякий случай он не стал возвращать фотографию обратно в книгу, а положил в наружный карман пиджака – неизвестно зачем. Мальчик и девочка куда-то исчезли, должно быть, побежали к воде. Так и есть. Он слышал, как их кроссовки мягко хрустят по гравию.

* * *

– Потом я узнал, что Сигрид на самом деле была в меня влюблена, – рассказывал Ханс Якобсен Дирку фон Зандову. – Да, такой вот удивительный случай. Но знаете, чем больше я о ней думаю, тем больше мне кажется, что там произошел какой-то странный перелом. В этой любви не было – почти совсем не было – ничего особо порочного. Изначально, я имею в виду. В детстве и самой ранней юности. Такое иногда случается в богатых семьях, где детей берегут от всего: от вредных влияний, взрослых книжек, от разговоров с невоспитанными сверстниками и походов в театр и кинематограф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.